

95 2
1929

Памяти Л. Н. Толстого

СБОРНИКЪ РѢЧЕЙ,
произнесенныхъ въ торжественномъ засѣданіи
Совѣта Императорскаго Харьковскаго Универ-
ситета и Историко-Филологического Общества.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-въя.
Донецк-Захаржовская, с. д., № 6.
1911.

На основані ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унів. Устава печатать и выпустить
въ свѣтъ разрѣшается. Іюня 3 дня 1911 г.
Ректоръ Харьковскаго Университета Дм. Багалый.

1319

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТР.

Объ избраніи Л. Н. Толстого въ почетные члены Харьков- скаго университета	I—IV
1. Исторія въ Л. Н. Толстомъ и Л. Н. Толстой въ исторіи (рѣчъ проф. Н. Ф. Сумцова).	1—8
2. Художникъ и моралистъ въ Л. Н. Толстомъ (рѣчъ проф. А. П. Кадлубовскаго).	9—18
3. Л. Толстой, какъ художникъ, въ оцѣнкѣ французской кри- тики (рѣчъ проф. С. В. Соловьева).	19—29
4. Любовь и правда у Л. Н. Толстого (рѣчъ проф. А. Н. Фа- тьева)	30—43
5. Историческая параллель. Г. С. Сковорода и Л. Н. Толстой (рѣчъ проф. Д. И. Багалъя).	44—51

По полученіи въ Харьковѣ извѣстія о смерти графа Л. Н. Толстого, состоявшаго съ 1884 года почетнымъ членомъ Харьковскаго университета, г. ректоромъ университета Д. И. Багалѣемъ была отправлена вдовѣ покойнаго телеграмма такого содержанія: „Императорскій Харьковскій университетъ, удрученный скорбною вѣстью о кончинѣ великаго писателя русской земли Льва Николаевича Толстого, котораго онъ съ гордостью съ 1884 года видѣлъ въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ, съ искреннимъ участіемъ при соединяется къ общему горю, постигшему русскій народъ и весь цивилизованный міръ“. 11-го Ноября было создано засѣданіе университетскаго Совѣта по вопросу о чествованіи памяти Л. Н. Толстого. По открытіи засѣданія Совѣта ректоръ университета Д. И. Багалѣй доложилъ исторію пѣзранія Льва Николаевича почетнымъ членомъ Харьковскаго университета. 12-го Октября 1883 г. профессоръ Деларю обратился къ ректору университета съ рапортомъ слѣдующаго содержанія: „Въ числѣ почетныхъ членовъ нашего университета не мало выдающихся ученыхъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; но мы упускали изъ виду нашихъ замѣчательныхъ литературныхъ дѣятелей, составляющихъ славу нашей родины. Кончина И. С. Тургенева можетъ и даже должна напомнить намъ ту надпись, которой французская академія отмѣтила бюстъ Мольера, не удостоившагося при жизни званія члена ея: „Rien ne manque à sa gloire, il manqua à la nôtre“ гласитъ эта надпись. Не нуждался, конечно, и покойный Тургеневъ въ званіи почетнаго члена нашего университета, но его намъ недоставало. Мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что не успѣли выразить покойному поэту наппему, насколько цѣнили мы его заслуги и дарованія. Выдающіеся литературные дѣятели должны быть близки и дороги сердцу каждого просвѣщенаго человѣка, безъ различія спеціальности. Вотъ почему, хотя и не членъ фило-

логического факультета, считаю я своимъ нравственнымъ правомъ и долгомъ представить Совѣту о возведеніи въ званіе почетнаго члена нашего университета нашего славнаго романиста графа Льва Николаевича Толстого. Указывать на заслуги его, распространяться о его произведеніяхъ, говорить объ особенностяхъ его выдающагося таланта — я считаю болѣе чѣмъ излишнимъ: кто изъ членовъ Совѣта не читалъ съ увлечениемъ „Войну и Миръ“, „Анну Каренину“, „Дѣтство и Отрочество“. Левъ Николаевичъ Толстой близокъ сердцу каждого образованнаго русскаго человѣка, и мы не можемъ не гордиться имъ, не чувствовать потребности выразить ему наше глубокое къ нему уваженіе“. Этотъ рапортъ бытъ доложенъ Совѣту, въ засѣданіи 27 октября 1883 года, на которомъ присутствовали слѣдующіе профессора: Щелковъ (проректоръ), Андреевъ, Алексѣнко, Дитятинъ, Безсоновъ, Морозовъ, Загурскій, Брю, Потебня, Деларю, Шимковъ, Сокальскій, Лагермаркъ, Даневскій, Леваковскій, Яцуковичъ, Гиршманъ, Кузнецовъ, Владимировъ, Крыловъ, Ковальскій, Кирничниковъ, Зеленогорскій, Дринновъ, Петровъ, Надлеръ, Бекетовъ, Зарубинъ, Якобій, Данилевскій, Оболенскій и Лебедевъ. Совѣтъ единогласно постановилъ произвести въ слѣдующемъ засѣданіи баллотировку Льва Николаевича. Баллотировка состоялась 17-го ноября, и графъ Толстой получилъ 45 избирательныхъ шаровъ; неизбирательныхъ шаровъ не было. 3-го Февраля 1884 года г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа генераль-лейтенантъ Максимовскій утвердилъ постановленіе Совѣта, а 14-го мая графу Толстому былъ высланъ отъ университета дипломъ на званіе почетнаго члена Харьковскаго университета.

По выслушаніи доклада ректора, Совѣтъ перешелъ къ обсужденію вопроса о чествованіи университетомъ памяти Толстого. По предложенію ректора Совѣтъ положилъ: 1) устроить совмѣстно съ Историко-филологическимъ обществомъ торжественное публичное засѣданіе, посвященное памяти Л. Н. Толстого, 2) издать за счетъ университета, особымъ сборникомъ памяти Л. Н. Толстого доклады и рѣчи, которые будутъ произнесены въ этомъ засѣданіи, 3) изготавить мас-

III

ляными красками портретъ Л. Н. Толстого для помѣщенія въ актовомъ залѣ, библіотечномъ или залѣ совѣтскихъ за-сѣданій, а для выполненія намѣченной программы избрать комиссію изъ членовъ Совѣта. Въ составъ комиссіи, согласно желанію Совѣта, вошли г.г. профессора: Н. Ф. Сумцовъ, В. И. Бузескуль, А. П. Кадлубовскій, С. В. Соловьевъ, А. Л. Погодинъ, Д. М. Синцовъ, А. И. Анцыферовъ, Н. А. Максимейко, А. Н. Фатѣевъ и Н. С. Бокаріусъ, а также ректоръ и проректоръ университета.

По докладу комиссіи въ засѣданіи 25-го ноября Совѣтъ университета опредѣлилъ: устроить платное историко-литературное утро въ память Л. Н. Толстого 12-го декабря въ Маломъ Театрѣ и сборъ съ него передать въ пользу Общества помощи недостаточнымъ больнымъ учащимся высшихъ учебныхъ заведеній г. Харькова. Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтомъ было ассигновано изъ средствъ университета 200 рублей на издание сборника докладовъ и рѣчей, посвященныхъ Л. Н. Толстому, которые будутъ произнесены на этомъ утрѣ, и 1000 рублей на изготовление портрета Л. Н. Отвѣтственнымъ распорядителемъ „Утра“ былъ избранъ проф. Н. А. Максимейко.

Историко-литературное утро состоялось въ 1 часъ дня 12-го декабря по слѣдующей программѣ: 1) Отдѣленіе 1-е. Marche funèbre Chopin'a, исп. оркестръ студентовъ. 2) Вступительная рѣчь предсѣдателя Историко-филологического Общества проф. Н. Ф. Сумцова: „Исторія въ Толстомъ и Толстой въ исторії“. Трудность исторического изученія Л. Н. Толстого. Глубокія связи его съ прошлымъ. Историзмъ въ личности Толстого. Историзмъ въ его творчествѣ. Отраженіе въ Толстомъ прогресса общества. Современность, какъ преддверіе будущаго. 3) Рѣчь проф. А. П. Кадлубовскаго: „Художникъ и моралистъ въ Толстомъ“. Связь между двумя половинами дѣятельности Толстого. Моральная основа его великихъ художественныхъ произведений; объективный и субъективный элементы его творчества; нравственные идеалы и сужденіе о явленіяхъ жизни. Моральпая проповѣдь Толстого во вторую половину дѣятельности; роль художественного элемента въ эту эпоху. Цѣлостность личности Тол-

IV

стого, его оригинальность и искренность. Проповѣдь про-
стоты, добра и правды. 4) Рѣчь проф. С. В. Соловьева:
„Толстой, какъ художникъ, въ оцѣнкѣ французской кри-
тики“. Русская литература во Франціи до 70-хъ годовъ
XIX вѣка. Первыя произведенія Толстого во Франціи („Война
и Миръ“, „Анна Каренина“). Отзывъ Флобера о Толстомъ.
Ростъ популярности Толстого во Франціи. Мельхiorъ де-
Вогюэ, Альфонсъ Додэ и Леонъ Додэ о Толстомъ. Вліяніе
Толстого на французскую литературу въ 80 и 90 годахъ.

II-е Отдѣленіе. 5) Рѣчь проф. А. Н. Фатѣева: „Любовь
и правда у Толстого“. Два типа мэралистовъ. Черты любви
у Толстого: а) всечеловѣчность, б) непротивленіе. Истори-
ческія условія для возникновенія ученія о непротивленіи
у Толстого. Правда у Толстого. Его отношеніе къ теорети-
ческой и прикладной наукѣ. 6) Рѣчь проф. Д. И. Багалѣя:
„Историческая параллель (Г. С. Сковорода и Л. Н. Толстой)“,
Указаніе на отпошеніе Л. Н. Толстого къ философу Г. С.
Сковородѣ, по свидѣтельству г-на Измайлова; анализъ этого
свидѣтельства. Нѣкоторыя черты сходства въ жизни и ученіи
г. Сковороды и Л. Н. Толстого.

Утро привлекло много почитателей великаго писателя,
заполнившихъ всѣ мѣста театра. Чистый сборъ отъ утра въ
суммѣ 750 руб. поступилъ въ пользу Общества вспомо-
ществованія больнымъ недостаточнымъ учащимся высшихъ
учебныхъ заведеній гор. Харькова.

Исторія въ Л. Н. Толстомъ и Л. Н. Толстой въ исторії.

(Вступительная речь проф. Н. Ф. Сумцова).

Историко-филологическое общество поручило мнѣ быть его представителемъ въ настоящемъ торжественномъ собраниі въ память гр. Л. Н. Толстого, великаго писателя земли русской, къ вѣщимъ глаголамъ котораго прислушивался весь міръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ лицѣ Л. Н. Толстого въ могилу сошелъ первоклассный исторический дѣятель. Приложеніе ко Л. Н. историческаго мѣрила въ полномъ объемѣ представляется въ настоящій моментъ невозможнымъ, недостижимымъ. Для вѣрности и полноты опредѣленія исторического значенія личности или событія необходимо нѣкоторое отдаленіе, перспектива, извѣстный опредѣленный рядъ послѣдующихъ явлений. Л. Н. стоить въ настоящій моментъ ко всѣмъ намъ такъ близко вплотную, такъ доминируетъ надъ нами грандіозностью своихъ нравственныхъ требованій и стремленій, что—мы—маленькие рядовые работники—не въ силахъ охватить его однимъ взглѣдомъ и дать ему полную оцѣнку. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы робко бѣжали передъ задачей исторического изученія личности и творчества Толстого. Наоборотъ, нужно немедленно, по свѣжимъ слѣдамъ событій, заняться выясненіемъ историческихъ нитей, связывающихъ современность съ прошлымъ, Толстого старика съ Толстымъ юношой, Толстого религіознаго писателя съ Толстымъ литературнымъ дѣятелемъ, ту общественную среду, которая окружала Толстого въ послѣдніе годы его пророческихъ выступленій, съ той общественной средой, съ тѣми философскими и религіозными воздействиіями, которымъ онъ подвергался въ расцвѣтѣ

его литературного творчества въ 60-хъ годахъ, далъе, съ той средой, въ которой онъ врацался, какъ молодой храбрый офицеръ, какъ юноша, какъ ребенокъ. Открываются обширныя историческая перспективы, рядъ измѣненій въ настроеніи, въ міросозерцаніи, во впїшшей бытовой обстановкѣ, въ формѣ одежды и въ кругу идей.

Въ личной жизни великаго писателя ярко обнаруживается переходъ отъ аристократизма къ демократизму. Въ молодости Толстой былъ проникнутъ принципами бонтонности и комильфотности въ великосвѣтскомъ салонномъ значеніи этихъ словъ. Въ основѣ поведенія лежали четыре заповѣди: 1) умѣнье чистить ногти, 2) умѣніе „непринужденно“ разговаривать и танцевать, 3) хорошая французская рѣчь и 4), что считалось особенно важнымъ, показной видѣ равнодушія и презрѣнія ко всему и ко всѣмъ. Богатый, родовитый графъ Толстой сначала склоненъ былъ дѣлить людей на 3 разряда, люди comme il faut, т. е. свой барскій выхоленный на крѣпостномъ трудѣ кругъ, люди не comme il faut, чернь, толпа, мѣщанство, не заслуживающее вниманія, и масса остального люда, весь простой народъ, которымъ Толстой сначала мало интересовался. Феодально-аристократическая настроенія Л. Н. съ годами уступили мѣсто прямо противоположнымъ, и въ 80-хъ годахъ, въ расцвѣтѣ литературной славы, авторъ романовъ „Война и миръ“ и „Анна Каренина“ облачается въ поддевку, въ косоворотку, надѣваетъ лапти, пашетъ землю, кладеть собственноручно печь, отрѣшается отъ своихъ завѣтныхъ наклонностей, наконецъ, уходитъ изъ своего старого помѣщичьяго дома куда-то въ глубь народа и умираетъ на маленькой желѣзнодорожной станціи. Такъ величественно была разыграна симфонія этой великой жизни. Получилась картина вѣчной неувядаемой красы, картина непрерывнаго восхожденія на гору жизни, въ высь чистой морали, съ все болѣе и болѣе раскрывающимися горизонтами. Такова наглядная исторія великаго личнаго самоусовершенствованія. Мы видимъ ее и удивляемся; но, по недостатку фактическихъ подробностей, мы еще не можемъ войти въ глубь ея богатаго внутренняго духовнаго содержанія. Когда будутъ изданы письма Л. Н., а ихъ

очень много, и предвидится рядъ изданій, когда будутъ собраны и разобраны всѣ воспоминанія, когда появятся въ печати неизданные рассказы и повѣсти, когда все изданное заграницей будетъ пересмотрѣно русской наукой съ приложеніемъ строгаго научнаго метода, тогда передъ русскимъ образованнѣмъ обществомъ раскроется въ высокой степени интересная и поучительная страница въ исторіи культуры и просвѣщенія.

Л. Н. въ воспоминаніи о своемъ дѣтствѣ рисуетъ такую картину: двухлѣтній ребенокъ лежитъ въ пеленкахъ, ему тѣсно, непріятно, и онъ кричить: „Окружающимъ кажется, говорить ребенокъ, что эти пеленки нужны, тогда какъ я знаю—утверждаетъ Л. Н. устами ребенка,—что это ненужно, и хочу доказать это, и я заливаюсь крикомъ, противнымъ для самого себя, но неудержимымъ... мнѣ хочется свободы, она никому не мѣшаетъ; я, кому она нужна, слабъ, они сильны, и я кричу“. Исторія должна выяснить, какъ Толстой кричалъ во имя свободы, гуманности, любви отъ 2-лѣтняго до 83-лѣтняго возраста, что его мучило, тѣснило, въ какихъ формахъ жизни онъ усматривалъ преуспѣяніе свободы, что содѣствовало и что препятствовало его проповѣди, на какую общественную почву она падала, и каковы ея реальная послѣдствія.

Изученіе нравственнаго и философскаго роста Толстого представляеть громадное значеніе, не только научное, но и общественно-воспитательное. Что вело Толстого къ прощенню, къ проповѣди? Вель его большой умъ, но этого мало, вела совѣсть, великая совѣсть. Выше писателя въ Толстомъ сталаъ человѣкъ, чрезвычайно чуткій къ велѣніямъ нравственнаго долга, въ поискахъ добра и правды. Толстой чутко прислушивался къ голосу совѣсти и постоянно обращался къ совѣсти людей, къ совѣсти всего человѣчества.

Великое сердце Льва Николаевича съ годами не старавло, не охлаждалось, наоборотъ; оно все болѣе и болѣе наполнялось чувствомъ любви и состраданія. Графиня Софья Андреевна сообщила, что въ послѣднее время Л. Н. обнаруживалъ большое беспокойство, мучился страданіями крестьянъ и своихъ посѣтителей, часто говорилъ о томъ, „какъ

тяжела жизнь и сколько горя и несчастія вокругъ насъ всѣхъ". Л. Н. могъ бы не думать о горѣ, о несчастіи, могъ бы бѣжать отъ него въ литературу, религію, и самыій возрастъ располагалъ его къ такому рѣшенію; но его любящее сердце влекло его въ глубь страданія.

Въ послѣдніемъ своемъ письмѣ къ женѣ Л. Н. благодарила ее за 48-лѣтнія заботы, просила прощенія за бѣгство изъ дома и объяснила его такъ: „Я не могу больше оставаться въ этой роскоши, поступая такъ, какъ дѣлаютъ старики моего возраста“. Возрастъ былъ очень большой—83 года, но сила духа оказалась еще большей, и онъ рѣшилъ порвать со всѣмъ прошлымъ, со всѣми завѣтами комильфотности и зажить новой жизнью простого любовнаго общенія съ міромъ.

Толстой былъ человѣкъ съ исключительно ему свойственнымъ складомъ ума и характера, натура по природѣ сильная, съ явнымъ отпечаткомъ генія. Но всякий человѣкъ, и величайшіе геніи въ томъ числѣ, дитя своего патрона и своего вѣка. И Толстой, при всей его своеобразности, имѣлъ своихъ учителей, если не въ школѣ,—пройденная имъ школа была очень слаба, то въ жизни и особенно въ литературѣ. Литература западная, литература русская, литература Востока—это великіе учителя, и всѣ мыслители люди волей или неволей являются ихъ учениками, и Толстой имѣлъ своихъ великихъ учителей. Однимъ изъ самыхъ видныхъ учителей его является Руссо. Въ преклонныхъ годахъ, незадолго до смерти Толстой въ письмѣ къ женевскому обществу имени Руссо отмѣтилъ, что главными его наставниками были Руссо и Евангеліе. Ранѣе онъ какъ-то отмѣтилъ, что сочиненія Руссо прочитаны были имъ въ возрастѣ между 14 и 20 годами и произвели на него огромное впечатлѣніе. Несомнѣнно, что силѣ впечатлѣнія содѣйствовало въ данномъ случаѣ многое, и то, что Толстой ознакомился съ Руссо въ такомъ возрастѣ, когда всякое впечатлѣніе западаетъ глубоко въ душу, и то, что Руссо, какъ большая художественная сила, превосходный стилистъ и гуманный писатель заключаетъ въ себѣ большую долю очарованія, и то, что въ настроеніи Толстого, въ его душевномъ складѣ

было много родственныхъ элементовъ. И вотъ, въ задачу будущихъ историковъ входить опредѣленіе литературныхъ вліяній на Толстого вообще, вліянія Руссо, какъ мыслителя, въ особенности. Нужно опредѣлить, гдѣ у нихъ случайное совпаденіе въ мысляхъ, и гдѣ мысль Толстого идетъ по слѣдамъ мысли его великаго предшественника и въ зависимости отъ него¹⁾.

Есть пункты чрезвычайнаго совпаденія Толстого съ Руссо, напр., во взглѣдѣ ихъ на значеніе науки, искусства, общенія съ вѣнчаной природой, ручного труда, въ отдѣленіи морали отъ вѣры; у Толстого еще болѣе рѣшительности и отрицанія, чѣмъ у Руссо; они оба иногда впадаютъ въ противорѣчія; при ближайшемъ разсмотрѣніи и въ самихъ ихъ противорѣчивыхъ сужденіяхъ о значеніи науки и искусства есть много поразительныхъ по сходству совпаденій.

Отъ Руссо въ приложеніи къ Толстому можно сдѣлать скачекъ къ русскимъ религіознымъ сектантамъ, къ отдѣльнымъ выдающимся ихъ представителямъ—Бондареву, Сютаневу, которыми Л. Н. живо интересовался, бесѣдовалъ съ ними, писалъ о нихъ, иногда увлекался нѣкоторыми ихъ мыслями и настроеніями. Этотъ интересъ Толстого связываетъ его съ старыми теченіями русской религіозной мысли.

Толстой, съ одной стороны, является величайшимъ представителемъ русской литературы XIX ст., великодѣйнымъ завершенiemъ блестящей эпохи Тургенева, Салтыкова и Достоевскаго, съ другой—величайшимъ представителемъ русской философской мысли. Съ Толстымъ должны считаться историки литературы, историки философіи, историки культуры, историки церкви; для всѣхъ въ его личности и въ его произведеніяхъ скрывается богатый матеріалъ для самыхъ разнообразныхъ изученій. Какъ Толстой въ разные періоды своей жизни подходилъ къ литературѣ и ея главнымъ дѣятелямъ, напр., къ Пушкину, Тургеневу, Горькому, Чехову, какъ отражалась его личность и его ученіе въ искусствѣ, напр., у Ге, Рѣпина—все это достояніе исторического изученія.

¹⁾ Краткія указанія въ книгѣ Щертелева о Толстомъ 1889 г. и въ книжкѣ Розанова о Руссо 1910 г.

Вообще, нужно признать, что исторіи въ Толстомъ очень много, и изученіе Толстого съ этой точки зрѣнія представляетъ громадный интересъ. Но не меньшій интересъ представляетъ и другая сторона—опредѣленіе значенія Толстого въ исторіи. Нельзя заранѣе предвидѣть, что дастъ его великая личность и великій трудъ будущимъ поколѣніямъ. Несомнѣнно, что Толстой чрезвычайно много уже сдѣлалъ для настоящаго времени; онъ широко раздвинулъ умственныя и нравственныя интересы современнааго образованнаго общества.

Росъ Толстой, росло и русское образованное общество, но, разумѣется, далеко не въ соотвѣтствующей пропорції. Если личности трудно развиваться при наличии многочисленныхъ ограниченій и стѣсненій, то обществу еще труднѣе съ ними бороться, тѣмъ болѣе трудно, что начало традиціонной косности въ обществѣ заложено гораздо глубже, чѣмъ въ личности. Общество въ большей или меньшей степени всегда и неизбѣжно консервативно, особенно мало-культурное общество русское; и потому оно часто и тяжко страдаетъ отъ рецидива обскурантизма и реакціи.

Чтобы иллюстрировать культурный ростъ русскаго общества, можно привести одинъ краснорѣчивый примѣръ. Въ 1837 г., когда Л. Н. Толстому шелъ десятый годъ, скончался величайший его предшественникъ въ литературѣ А. С. Пушкинъ, скончался въ его лицѣ образованнѣйший человѣкъ своего времени, глубокій гуманистъ, человѣкъ, который въ „жестокій вѣкъ“ возславилъ свободу и милость къ падшимъ призывалъ, тотъ Пушкинъ, который въ 1827 г. въ „Посланиіи въ Сибирь“ ободрялъ декабристовъ, „что оковы тяжкія падутъ“. Какъ отнеслось общество къ кончинѣ великаго поэта, къ его художественнымъ и гуманнымъ произведеніямъ, только что вышедшемъ въ полномъ собраніи? Пушкина пожалѣли нѣсколько его друзей, и только. Общество осталось глухо и нѣмо. Всплылъ даже такой удивительный фактъ, возможный только въ русской жизни при ея противорѣчіяхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Блудовъ, изъ чувства стараго расположенія къ Пушкину по совмѣстному участію въ литературномъ обществѣ Арзамасъ,

Блудовъ принялъ официальныя мѣры для распространенія сочиненій Пушкина, для продажи ихъ въ пользу осиротѣлой семьи поэта. Губернаторамъ было сдѣлано соотвѣтствующее предложеніе и разосланы подписаные листы. Губернаторы направили ихъ къ исправникамъ. Заработалъ могущественный административный механизмъ, и получилось, при общественномъ равнодушіи, *parturient montes, nascitur ridiculus mus*, т.-е. мизерный результатъ. Въ Псковѣ не нашлось ни одного покупателя. Аккерманскій исправникъ писалъ, что онъ старался согласовать дворянъ, чиновниковъ и купцовъ для покупки сочиненій господина Пушкина, но желающихъ не оказалось. Въ Кишиневской губ., въ которую входилъ Аккерманскій уѣздъ, было продано всего 18 экземпляровъ, причемъ покупателями оказались большей частью чиновники канцеляріи губернатора. Ярославскій губернаторъ изъ присланныхъ ему 50 экз. могъ сбыть только 11, а остальные 39 вернулъ обратно. Но прошло полвѣка, и 10-ое изданіе полнаго собранія сочиненій Толстого расходится въ количествѣ 80 тыс. экз., „Хозяинъ и работникъ“ въ отдельномъ изданіи разошелся въ количествѣ 200 тыс. экз., „Чѣмъ люди живы“—150 тыс. экз.; проходятъ еще 20, 30 лѣтъ, и наследникамъ Толстого предлагаютъ 1,300,000 руб. за право перваго посмертнаго изданія. Разница не въ талантѣ, и Пушкинъ большой талантъ; разница не въ одномъ направленіи, и Пушкинъ великий дѣятель просвѣщенія и гуманизма. Главная причина такой колоссальной разницы лежитъ въ сравнительно большей привычкѣ общества къ Толстому, въ особенности въ сравнительно гораздо большемъ культурномъ ростѣ самого общества. Безъ внешней указки и безъ благословенія оно окрѣпло и созрѣло до сознанія важнаго значенія писателя, до признанія его культурныхъ заслугъ. Въ этомъ ростѣ общественного самосознанія Л. Н. Толстой сыгралъ великую роль. Онъ сталъ на стражѣ высшихъ нравственныхъ интересовъ, пошелъ смѣло къ отрицанію и къ творчеству, не считаясь съ традиціями, онъ выступилъ страстнымъ поборникомъ общественной совѣсти и общаго блага; общество за то отдало Льву Николаевичу глубочайшее сочувствіе и поставило его въ ряды главныхъ учителей жизни.

Въ новое время установилось мнѣніе, что въ Толстомъ не было рѣзкихъ перемѣнъ, и что проповѣдникъ и моралистъ въ лицѣ Толстого обнаруживается уже съ первыхъ его литературныхъ выступленій. Но самъ Толстой былъ другого мнѣнія. Въ послѣднемъ письмѣ къ женѣ онъ писалъ: „Я хорошо знаю, какъ я измѣнился“, и мы должны повѣрить Толстому. Онъ дѣйствительно измѣнился, постепенно измѣнялся, и все въ смыслѣ расширенія интересовъ жизни, углубленія ихъ и очищенія въ горнилѣ совѣсти. Съ теченіемъ лѣтъ чувство и сознаніе любви все болѣе и болѣе росли въ Толстомъ; они облеклись въ форму педагогической дѣятельности; они вылились въ художественной формѣ; они поднялись въ трудно доступную высъ религіознаго ученія; они выливались на практикѣ въ помощи голодающимъ, въ защитѣ духоборовъ, въ видѣ дружескихъ бесѣдъ, писемъ, воззваній и обращеній во имя состраданія и любви. Толстой все измѣнялся, все росъ; вместо стараго трепетнаго сердца въ его груди все болѣе пылали источникъ новой лучшей жизни; единимъ лозунгомъ его стала любовь, а съ такимъ лозунгомъ, такому большому кораблю какъ Левъ Толстой предстоитъ великое историческое плаваніе. И уже теперь далеко опередившій насть Западный культурный міръ ставить ему въ городахъ памятники и называетъ его именемъ главныя улицы. Пусть, молъ, люди ходятъ по нимъ съ памятью о нестарѣющей совѣсти, съ сознаніемъ нравственнаго долга, въ примѣрѣ великаго русскаго писателя, чуткая дѣятельная совѣсть котораго требовала безконечнаго улучшенія.

Художникъ и моралистъ

въ Л. Н. Толстомъ.

(Рѣчъ проф. А. П. Кадлубовскаго).

„Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности!.. Другъ мой, великий писатель русской земли, внемлите моей просьбѣ“. Такъ заклиналъ Л. Н. Толстого со смертнаго одра въ свое мѣсто знаменитомъ письмѣ Тургеневъ, въ 1883 году. Онъ убѣждалъ его стать вновь художникомъ слова, представить быть религіознымъ мыслителемъ и моралистомъ. Толстой-художникъ и Толстой-моралистъ, это въ пониманіи Тургенева два различные образа, представляемые разными эпохами его жизни, на рубежѣ которыхъ стоитъ душевный переворотъ. Это и обычное пониманіе. О переворотѣ говорить самъ Толстой въ „Исповѣди“ и другихъ сочиненіяхъ, говорять его биографы, говорятъ въ широкихъ кругахъ общества; послѣ переворота не художественные образы, а религіозная идея царитъ въ его душѣ, не воспроизведеніе жизни, а „заглядываніе за предѣлы жизни“ замѣчаются у него биографы. И оба эти момента дѣятельности Толстого нерѣдко столь различно оцѣниваются.

Но съ другой стороны самъ Толстой говорить о переворотѣ, что онъ „давно готовился“, и что „задатки его всегда были“ въ его душѣ¹⁾). И, дѣйствительно, если мы всмотримся въ дѣятельность писателя, то значительно сгладятся передъ нами рѣзкія черты переворота. Разница несомнѣнна, но есть и глубокая связь между обоими моментами его дѣятельности. Да и слишкомъ цѣльной фигурой былъ Толстой, чтобы онъ могъ столь быстро и решительно мѣняться; онъ, дѣйствительно, мѣнялся, мѣнялся до противорѣчій, но эти противорѣчія касались не основъ его міросозерцанія, а примѣ-

¹⁾ П. Бирюковъ, Л. Н. Толстой, II, 309.

ненія ихъ, выводовъ изъ нихъ; основы же міросозерцанія медленно, но неуклонно, послѣдовательно, все ярче раскрываются ему и съ давняго времени видны въ его произведеніяхъ: не только въ „Аннѣ Карениной“, но и въ „Войнѣ и Мирѣ“, и въ педагогическихъ статьяхъ, и уже въ первомъ произведеніи: „Дѣтство, отрочество и юность“. Даже въ мелочахъ, даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ можно видѣть сходство, до совпаденія между тѣмъ, что мы находимъ въ сочиненіяхъ первого и второго періодовъ. Вотъ! нѣсколько примѣровъ.

„Жизнь есть все. Жизнь есть Богъ... Пока есть жизнь, есть пасажденіе самосознанія Божества. Любить жизнь — любить Бога“. Кто это говорить? Пьеръ Безухій, во второй части „Воинъ и Мир“; и почти то же, но болѣе ясно и связно говорить самъ Толстой въ „Исповѣди“. „Какъ легко, какъ мало усилій нужно, чтобы дѣлать такъ много добра, и какъ мы мало обѣ этомъ заботимся“; это слова того же Пьера; и какъ часто мы находимъ ихъ въ нравоучительныхъ сочиненіяхъ Толстого, какъ часто вообще Пьеръ говоритъ и думаетъ то, что впослѣдствіи говоритъ самъ Толстой. А споры Пьера съ Андреемъ Болконскимъ о вѣчной жизни! А дивныя страницы, гдѣ изображается душевное просвѣтленіе князя Андрея, его примиренное настроеніе, когда „въ его душѣ распустился цвѣтокъ любви вѣчной“, и когда онъ любовью проникся къ злѣйшему врагу своему! Развѣ это не чудная иллюстрація къ словамъ Толстого-моралиста о любви, всепрощенії? А вотъ слова, обращенные къ воюющимъ людямъ: „Довольно, довольно, люди! Перестаньте. Опомнитесь, что вы дѣлаете?“ Неустанно говорилъ эти слова Толстой-моралистъ, но гораздо раньше они слышались ему въ шумѣ дождя, накрапывавшаго на поле Бородинской битвы и изображенаго имъ въ „Войнѣ и Мирѣ“. Такихъ совпаденій можно найти очень и очень много. А уходъ Толстого изъ дома, этотъ удивительный предсмертный уходъ, который яркимъ аккордомъ завершилъ его полную исканія правды жизни и удостовѣрилъ нравственную цѣльность его душевнаго образа для многихъ, сомнѣвавшихся въ ней! Толстой давно переживалъ потребность такого ухода и воплотилъ ее

въ одномъ изъ лучшихъ своихъ образовъ, которые являются носителями его идеаловъ кротости, любви, правды, самоотречения, въ образѣ княжны Марыи Болконской: недаромъ она проводить время съ странницами и богомолками и сама стремится уйти въ странствіе: „она, наконецъ, рѣшила, что, какъ ни странно это было,—ей надо было идти странствовать... Княжна Марья припасла себѣ полное одѣяніе странницы... Въ воображеніи своемъ она уже видѣла себя съ Федосьюшкой, въ грубомъ рубищѣ, шагающей съ палочкой и котомочкой по пыльной дорогѣ, направляя свое странствіе безъ зависи, безъ любви человѣческой, безъ желаній, отъ угодниковъ къ угодникамъ... «Приду къ одному мѣсту—помолюсь; не успѣю привыкнуть, полюбить—пойду дальше и буду идти до тѣхъ поръ, пока ноги подкосятся, и лягу и умру гдѣ нибудь, и приду, наконецъ, въ ту вѣчную, тихую пристань, гдѣ нѣть ни печали, ни взыханія»... думала княжна Марья“. И черезъ сорокъ пять лѣтъ послѣ того, какъ были написаны эти строки, ихъ авторъ самъ пошелъ, наконецъ, въ подобное странствіе...

Впечатлѣніе будетъ сильнѣе, если мы всмотримся въ то міропониманіе, которое лежитъ въ основѣ произведеній Толстого и, можетъ быть, съ особою яркостью высказалось въ „Войнѣ и Мирѣ“. Дѣло въ томъ, что о рѣзкости душевнаго переворота въ Толстомъ говорять по преимуществу тѣ, кто цѣнитъ въ немъ, какъ художникѣ, яркаго изобразителя разнообразнѣйшихъ явленій жизни. Да, онъ дивный живописатель: онъ все, кажется, въ жизни понимаетъ, все ему открыто; онъ все замѣчаетъ, все улавливаетъ своимъ чуткимъ сердцемъ, все помнить, отъ великаго до малаго; къ явленію, которое мы пропускаемъ сплошь и рядомъ мимо, онъ отнесется любовно и внимательно, покажетъ намъ его красоту и смыслъ. И подробности богослуженія, и охота, и война, жизнь лагеря, обыденная крестьянская обстановка, жизнь пчелинаго улья (вспомнимъ сравненіе опустѣвшей Москвы съ ульемъ), мысли и чувства лошади... все такъ удивительно воспроизведено имъ; онъ все знаетъ съ обстоятельностью специалиста и съ поразительнымъ мастерствомъ умѣеть все изобразить. Но, вѣдь, это одинъ, можно сказать—

объективный, элементъ поэзіи; въ ней, какъ вообще въ искусстве, есть другой элементъ, субъективный: изъ безпредѣльного міра явленій художникъ дѣлаетъ выборъ; но и выбранное онъ изображаетъ сквозь призму своей души; его образы— это способъ объясненія міра и жизни со своей точки зрѣнія, это средство дѣлиться съ нами своимъ міропониманіемъ; это такъ называемая „внутренняя форма“ поэзіи, ея существенное свойство; въ соприкосновеніи съ душою художника открывается для насъ огромный источникъ наслажденія, тѣмъ вышаго, чѣмъ яснѣе образы, вводящіе насть въ его душу, и чѣмъ чище и выше его настроеніе, чѣмъ глубже его пониманіе.

Въ художественныхъ созданіяхъ Толстого съ рѣдкою ясностью выражалось его личное міропониманіе. Основа его— идея религіозно-нравственная, и содержаніе ея близко къ его моральному ученію послѣдняго періода.

Біографъ говоритъ о „заглядываніи за предѣлы жизни“ въ этомъ періодѣ; но имъ полны художественные созданія Толстого, и самое слово „заглядывать“ взято у его Пьера¹⁾. Какъ часто изображаетъ онъ намъ таинство смерти, какъ глубоко провидѣлъ онъ душу умирающаго, и какъ далеко проникалъ его взоръ, до крайнихъ предѣловъ жизни, точно стремясь перейти за роковую грань, отдѣляющую жизнь отъ тайнъ вѣчности; какъ часто любимые герой его, надѣленные имъ его собственными душевными переживаніями, волнуются вопросами о переходѣ въ иной, таинственный міръ. За нестрѣмъ міромъ явленій онъ такъ любить чувствовать высшія силы, общія начала жизни; а смерть, какъ и рожденіе человѣка, были для него обстоятельствами, при которыхъ эти высшія силы особенно чувствуются, были „какъ будто отверстіями, сквозь которыхъ показывается что-то высшее“²⁾. Великий реалистъ, любящій и рисующій жизнь во всей ея полнотѣ, онъ, однако, такъ любитъ изображать эти таинственные моменты, да и другіе подобные моменты, когда человѣкъ, подъ вліяніемъ особаго напряженія своего духов-

¹⁾ „Война и Миръ“, т. II, ч. II, гл. 12.

²⁾ „Анна Каренина“, ч. VII, гл. 14.

наго существа, какъ бы соприкасается съ высшою силою, провидить больше обыкновенного; въ такомъ состояніи герои его достигают удивительного взаимнаго пониманія, хотя бы немощное слово ихъ и не могло раскрыть вполнѣ ихъ душевнаго міра; на этомъ чуткомъ взаимномъ пониманіи строится любовь у лучшихъ его героеvъ; это—и въ „Семейномъ счастьѣ“, и въ „Войнѣ и Мирѣ“, и въ „Аннѣ Карениной“ (Левинъ и Кити); и благодаря такой точкѣ зрѣнія эта любовь становится какимъ-то особенно сладкимъ чувствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даже страшнымъ тѣми глубинами душевной жизни, которая оно открываетъ.

Такое устремленіе вниманія въ область высшихъ міровыхъ началъ жизни составляетъ какъ бы основу всего грандіознаго зданія его литературной дѣятельности. И съ высоты этого воззрѣнія онъ смотрить на жизнь человѣка; онъ такъ чувствуетъ ничтожество уединенной человѣческой личности; онъ старается уловить таинственное, неуловимое, но могучее стремленіе массъ человѣческихъ и ихъ дѣлаетъ вершителями судебъ историческихъ; крѣпокъ и истинно жизнень для него тотъ, кто провидить высшія начала жизни, кто чувствуетъ жизнь народа, кто сознаеть свою немощь и восполняетъ ее братскою любовью и участіемъ къ другимъ, къ слабымъ людямъ, отказываясь отъ своей личности; и немощь человѣка исчезаетъ за мощью народа. Вспомнимъ Кутузова съ его чуткимъ вниманіемъ къ народному духу, источникомъ спокойной его силы. Сліяніе съ народной масой или стремленіе къ нему противоположно всякой рисовкѣ, напротивъ, ведетъ къ скромности и простотѣ. Толстой давно уже видѣлъ красоту жизни и правду ея въ простой обстановкѣ крестьянина; въ „Войнѣ и Мирѣ“ безграмотный солдатъ Платонъ Карагаевъ научалъ высокообразованнаго аристократа Пьера Безухаго правдѣ жизни задолго до Толстовской проповѣди опрошенія; но и еще раньше, съ первыхъ лѣтъ художественной дѣятельности Толстого мы уже чувствуемъ у него это отношеніе къ крестьянину. Личную истинную радость его герои испытываютъ тогда, когда они проникаются любовью къ людямъ, духомъ прощенія и самоотреченія; тогда и жизнь имъ становится легка и ясна; путемъ стра-

даній, просвѣтляясь и очищаясь ими, доходятъ большою частью они до этого состоянія; такую „радость прощенія“ испыталъ и сухой Каренинъ, и то, что было источникомъ его страданій, стало источникомъ его духовной радости, то, что казалось неразрѣшимымъ, когда онъ осуждалъ, упрекалъ и ненавидѣлъ, стало просто и ясно, когда онъ прощалъ и любилъ¹⁾). Такимъ образомъ, если исканіе правды и добра отличаетъ Толстаго-проповѣдника, то вѣдь на немъ построены и его художественные образы. А гдѣ нѣть любви и смиренія, добра и правды, тамъ жизнь, хотя бы казалась красивой, представляется ему жалкой и смѣшной. И если въ послѣднемъ періодѣ Толстой нападаетъ на фальшь и ложь нашей жизни, на ея мишурную красоту и блескъ, бичуя всякую ходульность, эгоизмъ, такъ и въ художественныхъ образахъ разоблачалъ онъ истинное ничтожество ходульного, мнимаго героизма, изобличалъ ложное, эгоистическое величіе; съ гигантской силы юморомъ рисовалъ онъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, въ противоположность Кутузову, призрачное величіе Наполеона. Обманчивую красивость свѣтской жизни Толстой-художникъ также раскрываетъ передъ читателемъ, обнажая ея фальшь и зло, съ тою же безпощадностью, съ какой это онъ дѣлалъ позднѣе, какъ моралистъ. Стоить вспомнить хотя бы сцены салонной жизни въ „Войнѣ и Мирѣ“ или хотя бы тѣ проникнутыя Ѣдкимъ юморомъ страницы „Анны Карениной“, гдѣ Вронскій считаетъ свои весьма не малые доходы, которыхъ однако не хватаетъ на покрытие его потребностей, и гдѣ приводятся правила, которыми руководился онъ въ жизни, и которыхъ „были несомнѣнны“ для него²⁾.

Такъ художественное чутье опережало теоретическую мысль автора. Во второмъ періодѣ нравственно-религіозная воззрѣнія его выражаются уже въ формѣ теоретической проповѣди; разбросанные лучи религіозно-нравственного міросозерцанія ясно сознаны теперь и приведены въ систему, найдя себѣ средоточіе и твердую опору въ Евангеліи; а

1) „Анна Каренина“, ч. IV, гл. 19.

2) Часть III, гл. 19—20.

главное отличие этого периода то, что Толстой теперь старается дать своимъ принципамъ практическое примѣненіе къ жизни, какъ собственной, такъ и другихъ людей, призывая ихъ къ Богу, къ размышенію о смыслѣ жизни, къ любви и простотѣ, убѣждая ихъ перестроить жизнь въ духѣ его идеи.

Но художникъ не умеръ въ Толстомъ и послѣ „Анны Карениной“: онъ пишетъ „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяина и Работника“, „Воскресеніе“; да и въ теоретическихъ своихъ разсужденіяхъ онъ прибѣгаетъ постоянно къ образнымъ поясненіямъ своей мысли, такимъ иногда мѣткимъ, яснымъ, всегда простымъ и потому особенно убѣдительнымъ. Много этихъ образовъ особенно въ сочиненіи „О жизни“, также въ „Исповѣди“ и другихъ трудахъ. Иногда это старый, избитый образъ, который получаетъ у Толстого новую жизнь и силу: таковъ образъ челнока въ морѣ, означающій нашу жизнь; большинство образовъ взяты изъ самой обыденной дѣйствительности, всѣмъ извѣстной: припомнимъ сравненіе жизни съ мельницей (начало сочиненія „О жизни“, гдѣ сравнивается человѣкъ, разсуждающій о жизни и изслѣдующій ея смыслъ, съ мельникомъ, изучающимъ мельницу); сравненіе житейской суполоки съ оживленною толпою у входа въ какое-нибудь собраніе, толпою, которую неопытный человѣкъ принимаетъ за самое собраніе; сравненіе человѣка, не интересующагося вопросами о смыслѣ жизни, обѣ истинномъ ея благѣ,—со слѣпымъ, который „тыкаетъ передъ собою палкой и утверждаетъ, что и нѣть ничего, кроме того, что показываетъ ему ощущь палкой“; изученіе законовъ вещества, если изучающій признаетъ только животное существованіе человѣка, „подобно,—говорить Толстой,—тому, что бы дѣлалъ человѣкъ, внимательно изучая всѣ измѣненія и движенія тѣла живого существа, предполагая, что причина движенія животного существа заключается въ измѣненіяхъ и движеніяхъ его тѣла“; укажу еще превосходные образы въ „Послѣ словіи къ Крейцеровой сонатѣ“, которыми Толстой хочетъ охарактеризовать значеніе христова ученія, какъ высочайшаго идеала: сравненіе его съ фонаремъ, который путникъ несетъ передъ собою на шесть, и который потому всегда

впереди его и освѣщаетъ ему путь, въ отлиchie отъ неподвижнаго, висящаго на стѣнѣ, фонаря; сравненіе его съ компасомъ или небесными свѣтилами, руководствуясь которыми можно смѣло пускаться въ открытое море. Впрочемъ, довольно: такихъ образныхъ поясненій очень много. Чуткій и внимательный къ жизни, художникъ и теперь подмѣчаетъ всякую мелочь, какъ и раньше; эта мелочь становится для него художественнымъ образомъ, въ которомъ воплощается важная, общая, жизненная мысль. Отмѣчу любопытный примѣръ въ статьѣ „Такъ что же намъ дѣлать?“ Мясникъ толчилъ ножъ о камни тротуара; Толстой задумался надъ этимъ обстоятельствомъ, и оно становится для него образомъ, которымъ онъ пользуется для объясненія нѣкоторыхъ явлений жизни.

Разница съ предыдущимъ творчествомъ, между прочимъ, въ томъ, что Толстой тутъ же даетъ образу поясненіе, дѣлаетъ примѣненіе его къ жизни, вслѣдствіе чего самый образъ получаетъ значеніе служебное, обращается въ аллегорію, въ притчу. Но это толкованіе съ особою наглядностью и силою разъясняетъ намъ, почему и прежде, всегда его интересовало все, и великое и малое, вѣрнѣе — все для него было велико: ибо сквозь всякую мелочь видѣть онъ общее, важное; во всемъ чуялъ онъ проявленіе міровой жизни, вѣяніе „Всемірного Духа“, какъ онъ иногда выражался.

Проповѣдуя свои идеалы абсолютной правды, безпрѣдѣльной любви и кротости, Толстой продолжаетъ и свою работу отрицанія и обличенія, бичуя все лживое, пустое, себялюбивое и гордое, въ чемъ бы онъ его ни усматривалъ, бичуя уже прямо, непосредственно, и безъ помощи художественнаго образа. И подъ часъ слишкомъ разойдется, бывало, его бичующая рука, опрокидывая наряду съ тѣмъ, что этого стбить, и предметы высокой цѣнности; не будемъ перечислять ихъ; вспомнимъ хотя бы нападки на Шекспира, на науку... Но важно, во имя чего онъ отрицаетъ; важно, что онъ непрестанно и страстно ищетъ правды и отрицаетъ то, въ чемъ видѣть фальшь и неправду, эгоизмъ и черствость, хотя бы иногда и ошибался, усматривая въ томъ или иномъ отдѣльномъ явлениіи эту неправду, этотъ эгоизмъ.

И оттого не столь страшно отрицаніе Толстого: можно чтить въ немъ глашатая правды и любви, не раздѣляя многихъ и многихъ его отрицаній; въ разрушеніи его слышится со-зданіе: онъ разрушаетъ тлѣнное, онъ стремится создать нетлѣнное, нетлѣнныи храмъ добра и правдѣ въ сердцахъ человѣческихъ.

Не подобное ли впечатлѣніе производилъ и самъ Толстой, какъ живой человѣкъ? Мы привыкли къ его портретамъ, съ насупленными бровями, съ угрюмымъ какъ будто видомъ; и мы знаемъ, что многіе, помня этотъ образъ, боялись вступать съ нимъ въ общеніе; но всѣ вступавшіе въ общеніе съ нимъ рассказываютъ, какъ покорены бывали они его мягкимъ и ласковымъ взглядомъ, его привѣтливою рѣчью, его ободряющимъ участіемъ...

Итакъ, и художникомъ оставался Толстой до конца своей литературной дѣятельности, и съ другой стороны никогда, и въ раннее время, не выходило изъ-подъ его пера произведенія безъ глубокой нравственно-религіозной идеи; могучимъ свѣтомъ этой идеи озарена та широкая картина жизни, которую даютъ намъ его художественные созданія; и еще въ „Войнѣ и Мирѣ“ онъ далъ намъ ключъ къ уясненію художественныхъ образовъ своей грандіозной эпохи въ знаменитыхъ словахъ: „нѣтъ величія тамъ, где нѣтъ простоты, добра и правды“. Разница двухъ періодовъ дѣятельности Толстого та, что въ первомъ художественный образъ господствуетъ въ его дѣятельности, выдвигается на первый планъ, хотя и стоитъ на религіозно-нравственной основѣ; во второмъ онъ отодвигается на второй планъ, служа уясненію прямой, непосредственно излагаемой проповѣди. И художникъ и моралистъ въ Толстомъ тѣсно связаны: моралистъ далъ прекрасный комментарій къ его художественнымъ созданіямъ, художникъ — прекрасная иллюстрація, образы для уясненія морального его ученія. Передъ нами крѣпкая, цѣлостная личность, могучая въ свой искренности, неистранномъ исканіи правды, послѣдовательно развивающая основные начала своего міросозерцанія.

Своей основной идеѣ служилъ онъ, хотя и въ разныхъ формахъ, всю жизнь, устремляя свою мысль въ область вѣч-

1319

наго, неизменяющаго, „съ высоты взирая на жизнь“, уясняя и возвѣщаю миру начала „простоты, добра и правды“, призывая людей къ водворенію царства любви и кротости.

Немало наслаждений еще доставитъ намъ изученіе того длиннаго и труднаго процесса, которымъ онъ, медленно, но неуклонно, въ тяжкихъ бореніяхъ съ самимъ собою, восходилъ къ болѣе ясному созерцанію основъ своего міросозерцанія. Нынѣ смерть пресѣкла этотъ процессъ, который можетъ быть еще продолжался бы; можетъ быть, великій писатель не сказалъ своего послѣдняго слова. Но сущность его душевнаго міра уже достаточно раскрыта передъ нами. И вотъ, когда мы видимъ, какъ съ момента его болѣзни и послѣ его кончины высокое напряженіе охватываетъ русскій народъ, больше того—весь цивилизованный міръ, жадно всматривающійся въ образъ отошедшаго отъ насть учителя, вслушивающійся въ его голосъ, и такъ долго поддерживается, не сиадая,—не должны ли мы думать, что лучше начинаетъ сознаваться цѣнность основныхъ положительныхъ началъ его проповѣди, и не даетъ ли намъ это явленіе хотя бы малый залогъ надежды на то, что его идеалы любви и мира когда нибудь найдутъ наконецъ осуществленіе? Хотѣлось бы вѣрить.

Л. Толстой, какъ художникъ въ оцѣнкѣ французской критики.

(Рѣчь проф. С. В. Соловьева).

Les idées qui transforment l'Europe ne sortent plus de l'âme fran aise.

M. de Vogü ¹).

Le roman russe, c'était l'humanit  rentrant, toutes portes ouvertes, dans le naturalisme.

J. Texte²).

Блестящая классическая литература вѣка Людовика XIV возвратила французамъ ту гегемонію, которая принадлежала имъ въ области художественного творчества въ средніе вѣка. Вѣкъ энциклопедистовъ, Вольтера и Руссо еще въ большей степени привлекаетъ всеобщее вниманіе къ Франціи. Гордые французы свысока смотрятъ на произведенія сосѣднихъ литературъ, глубоко вѣруя, что только они одни стоять на передовыхъ постахъ европейской цивилизаціи. Литературный космополитизмъ Мерсье и знаменитая книга о „Германіи“ г-жи Сталь не смирили національной гордости французовъ... Въ вѣкъ Виктора Гюго и Бальзака чужеземная литературы туда проникаютъ не только въ общество, но и въ кружки французскихъ писателей.

Неудивительно, что, при нетерпимости къ литературамъ ближайшихъ сосѣдей, французы долго не имѣли представлениія о литературѣ далекой Россіи³). Авторъ „Soir es de Saint-P tersbourg“—Жозефъ де Мэстръ, жившій въ Россіи въ

¹) Le Roman russe.

²) Les relations litt raires de la France avec l' tranger.

³) По отзыву Дидро, „les Russes sont pourris avant d' tre m urs“...

царствование Александра I, въ своемъ интересномъ трудѣ совершилъ о русской литературѣ. Его современница г-жа Сталь посѣтила Россію въ то время, когда Россія готовилась къ войнѣ съ Наполеономъ. Впослѣдствіи знаменитая писательница подѣлилась своими впечатлѣніями о Россіи и русскихъ въ мемуарахъ. Здѣсь читатели познакомились съ русской „малоизобрѣтательной природой“, съ крестьянами, въ которыхъ есть „нѣчто пріятное и милое“; познакомились съ петербургскимъ высшимъ свѣтомъ и узнали, что „нѣкоторые изъ русскихъ дворянъ пытались блистать въ литературѣ и выказали талантъ на этомъ поприщѣ, что русскіе впадаютъ въ ошибку многихъ другихъ народовъ материка: они подражаютъ французской литературѣ, которая даже по своимъ красотамъ подобаетъ только французамъ“¹⁾.

Маркизъ де Кюстинъ, посѣтившій Россію въ 1839 году, только на родинѣ Пушкина узналъ отъ француза гувернера о преждевременной смерти нашего великаго писателя, о которомъ ранѣе имѣлъ самое поверхностное представление—можетъ быть, по небольшому сборнику „La Balalaïka“, вышедшему въ Парижѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ: въ него вошло нѣсколько стихотвореній Пушкина. Извѣстная статья Мицкевича, помѣщенная въ „Le Globe“ въ годъ смерти поэта, очевидно, осталась неизвѣстна маркизу, автору чрезвычайно цѣнныхъ мемуаровъ о Россіи въ эпоху императора Николая I²⁾.

Только съ пятидесятыхъ годовъ начинаетъ пробуждаться во Франціи интересъ къ русской литературѣ, между прочимъ, у Пропера Меримѣ; онъ первый изъ писателей второй имперіи изучилъ русскій языкъ³⁾, перевелъ „Пиковую

1) *Dix années d'exil.* Paris, 1821. Французская писательница не упоминаетъ о вліяніи на русскую литературу нѣмецкаго романтизма. До 1812 г. уже появились „Людмила“ Жуковскаго—передѣлка „Леноры“ Бюргера, „Свѣтланы“ и рядъ переводовъ изъ Шиллера и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ.

2) „La Russie en 1839“. Paris, 1843. Маркизъ де Кюстинъ не понялъ Пушкина (Pouskine) и не призналъ въ немъ истинно русскаго поэта (*un vrai poète moscovite*).

3) До статей Меримѣ Пушкину были посвящены небольшіе очерки въ „Revue indépendante“, 1843 и „Illustration“, 1845 и прекрасный этюдъ

даму“, помѣстилъ въ „Revue des deux Mondes“ статью о Гоголѣ, далъ неполный переводъ „Ревизора“ и въ „Portraits historiques“ поставилъ Пушкина на ряду съ корифеями западной литературы.

Но и Меримэ не сблизилъ Францію съ литературнымъ міромъ Россіи... Еще въ семидесятыхъ годахъ Тургеневъ жаловался Альфонсу Додэ, что его произведенія мало расходятся во Франціи; его имя тамъ все неизвѣстно, и книгоиздатель Hetzel, какъ бы изъ милости, издаетъ его произведенія... И Тургеневъ, по словамъ А. Додэ, страдалъ, что ему приходилось жить въ неизвѣстности въ той странѣ, которая была ему такъ дорога. Жалобы Тургенева не удивили французскаго романиста: „nous autres français vivons dans une ignorance extraordinaire de toute littérature étrangère...¹⁾.

Недостаточно популярный во Франціи авторъ „Записокъ охотника“ становится первымъ пропагандистомъ произведеній Толстого. Получивши отъ княгини Паскевичъ пятьдесятъ экземпляровъ „Войны и Мира“ въ переводѣ на французскій языкъ, Тургеневъ спѣшитъ ознакомить съ этимъ романомъ Тѣна, Эдмона Абу, Андрѣ Терье, Флобера, Альфонса Додэ и Золя. Первымъ откликнулся Флоберъ: „какая первоклассная вещь! какой художникъ, какой психологъ! Да вѣдь это Шекспиръ! я кричалъ отъ восторга: какъ это сильно (c'est fort, très fort)!²⁾.

Тургеневъ ждетъ дальнѣйшихъ отзывовъ французской критики, напоминаетъ о Толстомъ Бюрти, Дюрану, Зола; за-

de Saint-Julien'a („Revue des deux Mondes“, 1847). Въ 1854 въ томъ-же журналѣ помѣщена статья C. Robert'a „La poésie slave au XIX siècle“, въ которой авторъ, между прочимъ, даетъ своеобразную характеристику поэзіи Пушкина.

Объ отзывахъ французской критики о Пушкинѣ см. замѣтку Н. С. Гольдина „Пушкинъ въ отзывахъ западной критики 40—50-хъ годовъ“, Харьковскій университетскій сборникъ въ память А. С. Пушкина. Харьковъ. 1900.

¹⁾ A. Daudet, Trente ans de Paris. A travers ma vie et mes livres.

²⁾ E. Halpérine - Kaminsky, Ivan Tourguenoff d'apr s sa correspondance avec ses amis fran ais. Paris. 1901.

ботится о переводѣ „Козаковъ“... Но популярность автора „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“ еще не растетъ и не заходитъ за предѣлы литературныхъ салоновъ.

Многіе французскіе литераторы, увидѣвшіи три толстыхъ тома „Войны и мира“ испугались... Такіе длинные романы хороши для обитателей степей; пожалуй, можно было бы познакомиться съ „Войною и Миромъ“, еслибы это произведеніе вышло въ свѣтъ въ то время, когда отъ Парижа до Тулузы щахали восемь сутокъ, но не тогда, когда всю Францію проѣзжаютъ въ двадцать четыре часа¹⁾.

Познакомившись съ русской *Илліадой*, съ этой эпопеєю не имѣвшою себѣ равной ни въ одной изъ западныхъ литературу, французскіе литераторы пришли къ заключенію, что „Война и Миръ“—единственное въ своемъ родѣ произведеніе. Но... это были отзвуки небольшой группы людей, прикосновенныхъ къ литературѣ; общество же, воспитавшееся на Стендалѣ и „Человѣческой комедіи“ Бальзака, общество, сть жадностью поглощавшее все, что входило въ серію когда-то много нашумѣвшихъ „Ругонъ-Макаровъ“, не имѣло представленія о „великомъ писатѣ земли русской“, пока не появился на страницахъ „Revue des deux Mondes“ литературный манифестъ, бывшій дѣйствительно откровеніемъ для французовъ—статьи виконта Мельхiora де Вогюэ о Тургеневѣ, уже болѣе или менѣе извѣстномъ, статьи о Гоголѣ, Достоевскомъ, Толстомъ...

И передъ французской читающей публикой промелькнула несчастная шинель Акакія Акакіевича, послышалось что-то преклоняющее на жалость въ его словахъ — „оставьте меня! зачѣмъ вы меня обижаете!“.. А затѣмъ раздался кроткій возгласъ скромнаго Макара Алексѣевича Дѣвшукіна— „полно о себѣ одномъ думать, для себя одного жить!“...

И цѣлая фаланга „бѣдныхъ людей“, сѣреныхъ, забитыхъ жизнью, обездоленныхъ и униженныхъ, взывала о жалости, призывала къ углубленію въ человѣческую душу, которой не понять однимъ *экспериментальнымъ* методомъ... А нѣкоторыя русскія души заставили призадуматься поклон-

1) E. M. de Vogüé, Le Roman russe.

никовъ французского реализма и натурализма... душа покорнаго Каратаева, совершившаго такой переворотъ въ міро-созерцаніи Пьера Безухого, душа Федора, бесѣдующаго съ Левинымъ и дающаго барину совѣтъ—*не жить для себя, а для Бога...* да, наконецъ, и душа самого барина, жадно ловившаго простыя и вѣчно живыя слова Федора, барина, скавшаго себѣ: *остается только любить и вѣрить...*

Эти простыя и вмѣстѣ съ тѣмъ загадочныя души, такъ геніально обрисованныя русскимъ художникомъ, заставили надѣть многимъ призадуматься сторонниковъ экспериментальнаго изслѣдованія фактъвъ.

Вогюэ медленно и съ большими перерывами читаль и перечитывалъ „Войну и Миръ“ и другія произведенія Толстого. Впечатлѣніе, по его словамъ, все усиливалось: онъ порабощался властью этого таланта, искалъ Толстому какихъ нибудь аналогій въ другихъ литературахъ, но ни съ чѣмъ не могъ сравнить, и большинство известныхъ французскому критику романовъ казалось ему ложными, скучными, слабыми¹⁾.

Вогюэ познакомился съ „Козаками“ и пришелъ къ заключенію, что уже этойю повѣстю въ сущности открывается новая эра въ русской литературѣ: здѣсь замѣчается окончательный разрывъ русской поэтики съ байронизмомъ и романтизмомъ, разрывъ въ самомъ центрѣ той цитадели, въ которой лѣтъ тридцать, какъ окопались эти власти—романтизмъ и байронизмъ. Въ теченіе первой половины девятнадцатаго вѣка Кавказъ былъ для Россіи страной авантюръ и грезъ; всѣ разочарованные, всѣ игравшіе въ Чайльдъ Гарольда, устремлялись сюда.. Къ этимъ горамъ устремляется и Оленинъ, источенный цивилизаціей; онъ разстается съ своими прежними мыслями. На Кавказѣ на смѣну лирическимъ видѣніямъ, посѣщавшимъ старое поколѣніе, является философскій взглядъ на душу и на окружающую ее дѣйствительность, и передъ Оленинымъ открывается новый моральный міръ. Въ этомъ разсказѣ, по мнѣнію Вогюэ, у Толстого все живеть: степь, лѣса, горы; они живутъ такою

¹⁾ Le Roman russe.

же жизнью, какъ и ихъ обитатели, и ихъ великие голоса опираются на голоса человѣческие¹⁾).

И Вогюэ кажется, что міросозерцаніе Толстого уже въ „Козакахъ“ начинаетъ колебаться. „Три смерти“ резюмируютъ философію великаго писателя: самый лучшій, самый счастливый человѣкъ тотъ, кто думаетъ меныше и проще умираетъ. Слова эти не новы—они сказаны Руссо, но у Толстого они расширены.

Французскій критикъ, обращаясь къ „Войнѣ и Миру“, затрудняется сказать, можно-ли назвать романомъ эти несокончаемыя серіи эпизодовъ, портретовъ, разсужденій... Истиннымъ героемъ здѣсь является Россія. Между соціальными явленіями войны привлекаетъ наибольшее вниманіе романиста, говорящаго на основаніи опыта. Это методъ Стендаля, какъ полагаетъ французскій критикъ. Отъ Толстого нельзя ждать классическихъ тенденцій; арміи, дышащей героизмомъ, въ романѣ читатель не увидить: авторъ преслѣдуетъ только истину. Все здѣсь такъ просто, и герои волниуютъ до слезъ, герои, незнающіе самихъ себя.

Послѣ войны художникъ съ особеною страстью рисуетъ картины высшаго свѣта. Со временеми Сенъ-Симона никому не удавалось въ такой степени раскрыть *механику* высшихъ сферъ.

Изъ героеvъ романа Вогюэ въ особенности интересуется Андреемъ Болконскимъ—холоднымъ пессимистомъ и болѣе гуманнымъ, безконечно благодушнымъ Пьеромъ Безухимъ, подъ толщой котораго кроется такая тонкая, мистическая душа индусского монаха. Французскому писателю непонятъ тотъ душевный переломъ, который происходитъ въ Пьерѣ, этомъ утонченномъ западной цивилизаціей человѣкѣ, поступающемъ въ школу къ Каратаеву, этому элементарному существу.

По поводу „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“²⁾ Вогюэ поднимаетъ вопросъ о реализмѣ Толстого. Въ чемъ онъ близокъ и въ чемъ далекъ отъ французскихъ писателей.

¹⁾ Le Roman russe.

²⁾ „Анну Каренину“ Вогюэ считаетъ литературнымъ завѣщеніемъ Толстого.

лей, открывшихъ собою серію реалистовъ? Русскій художникъ ничѣмъ имъ не обязанъ—онъ ихъ предпшественникъ, и французскіе реалисты ничѣмъ не обязаны ему—они его абсолютно не знали. Можно былобы заподозрить вліяніе Стендаля, но... нѣть! У Бальзака Толстой взялъ, конечно, нѣсколько уроковъ, но трудно представить себѣ натуры болѣе противоположныя...

Вогюэ просить прощенія у французскихъ натуралистовъ: они никогда не достигнутъ той простоты, которая дѣлаетъ русскаго романиста такимъ всемогущимъ. У французовъ всегда чувствуется стремленіе приспособиться, замѣчается желаніе фиксировать вниманіе; имъ никогда не разстаться съ антitezой—этимъ великимъ и законнымъ литературнымъ рессурсомъ французскаго ума. Реализмъ Толстого направленъ на изученіе душъ, трудно понимаемыхъ, душъ, которая противодѣйствуютъ наблюдателю утонченностью своего воспитанія, маской соціальной условности. Эта борьба художника съ его моделями поражаетъ Вогюэ, приводить его въ восторгъ, да Вогюэ-ли только!

Знаменитому критику кажется, что Толстой стоитъ надъ своими фигурами, двигаетъ ихъ, но... за этими фигурами виднѣется не его бѣдная человѣческая рука, а что—то страшное, мрачное—тѣнь безконечнаго и всегда присутствующаго, но не опредѣленная въ своемъ развитіи догма—одна изъ категорій божественной идеи, а какое-то нѣмое вопрошеніе къ недостижимому... Слышится какой-то отдаленный вздохъ... И здѣсь театръ Толстого расширяется—становится сценой Эсхила: въ сумракѣ глубины надъ несчастнымъ Прометеемъ видишь могущество, силу—этихъ вѣчныхъ незнакомцевъ...

Вогюэ сознаеть, что какъ ни старается онъ распознать тѣ черты творчества Толстого, которыя, казалось-бы, подвели его подъ ту или другую изъ категорій, измыщленныхъ нашей реторикой—писатель не укладывается въ эти рамки, а ускользаетъ изъ нихъ, какъ ускользаетъ и изъ рукъ критика...

Альфонсъ Додѣ преклонялся передъ Толстымъ „Севастопольскихъ разсказовъ“, „Козаковъ“, „Войны и Мира“, „Анны Карениной“. Французскій романистъ предпочиталъ

стройную красоту и великолѣпный планъ „Анны Карениной“ другимъ романамъ Толстого мало интересовался его болѣе поздними произведеніями.

Леону Додэ, какъ и большинству французскихъ литераторовъ, принадлежащихъ къ одному съ нимъ поколѣнію, авторъ „Войны и Мира“ представляется неприступнымъ, небоящимся никакихъ нападеній. Онъ считаетъ „Войну и Миръ“ классической книгой во Франціи, но для него Толстой не только художникъ, но и пророкъ доброты. Если Руссо открылъ природу вѣнчанью — великоглѣпіе дубовъ, красоту ручьевъ, то русскій художникъ съ равною Руссо фугою пробѣгаѣтъ по пейзажамъ долга, проводя борозды, которыя трудно уже запахать ¹⁾.

Популярность Толстого и русского романа во Франціи съ 1885 года продолжаетъ рости и рости. Слова Вогюэ — „идеи, которыя пересоздаются Европу, исходить уже не изъ французской души“... ²⁾, эти историческія слова стали достояніемъ широкихъ круговъ французского общества.

Въ 1894 г. извѣстный критикъ Жюль Леметръ въ статьѣ „De l'influence r  cente des litt  ratures du Nord“ отмѣчаетъ сильное увлеченіе своихъ соотечественниковъ произведениями Толстого: „tout le monde se mit   tolsto  ser“... ³⁾.

Поклонники Золя, Флобера и братьевъ Гонкуровъ поняли, что Толстой и русскіе писатели привнесли въ міровую литературу много правды и красоты.

Знакомство съ русскими романами, съ Достоевскимъ и Толстымъ было кстати: ихъ новое слово говорило такъ много тѣмъ, кто уже сталъ постепенно разочаровываться въ всемогуществѣ французского натурализма, кто съ беспокойствомъ стала оглядываться вокругъ, ища путей, которые бы повели въ область интуїціи и приблизили художника — изслѣдователя къ человѣческой душѣ, морали, религіи...

Въ это-то время раздаются все болѣе и болѣе громкіе и восторженные голоса поклонниковъ Толстого.

1) L  on Daudet, *Les id  es en marche*.

2) „Le Roman russe“; раныше на страницахъ „Revue des deux Mondes“.

3) „Revue des deux Mondes“, 1894, XII.

Брюнетьеरъ заявляетъ, что знакомство Франціи съ русскими романистами и Толстымъ—одна изъ историческихъ дать во французской литературѣ¹⁾. Фредерикъ Лоллье, упомянутая о Толстомъ, замѣчаетъ, что онъ довелъ анализъ малѣйшихъ содороганій физической и моральной природы до возможныхъ предѣловъ²⁾.

„Какъ передать то волненіе, которое охватило меня, да и всѣхъ, вступившихъ одновременно со мною въ область мысли, когда появились „Война и Миръ“ и „Анна Каренина“, восклицаетъ Викторъ Маргеритъ³⁾.

„Можно-ли говорить о Толстомъ безъ глубокаго волненія, пишетъ Поль Маргеритъ. Могучій романистъ и прovidѣцъ души—Толстой возрождается жизнь въ величайшихъ фрескахъ“⁴⁾.

Для Марселя Прево Толстой не только рассказчикъ, творецъ пейзажей, эпохъ и людей—онъ создатель новыхъ чувствованій. „Ни одно почти произведеніе современныхъ французскихъ романистовъ и драматурговъ, по его мнѣнію, не было бы именно тѣмъ, что есть, еслибы не было Толстого. Этотъ великий русскій писатель—громадный фактъ во французской литературѣ“⁵⁾.

Произведенія Толстого широкою волною разливаются по Франціи въ то время, когда французская мысль устала отъ экцессовъ натурализма.

Недостатки французской реалистической школы обнаружились особенно рѣзко, когда французскіе писатели познакомились съ реализмомъ у Джоржа Эліота, Достоевскаго *въ особенности у Толстого...* Вліяніе Толстого не ограничивается только областью романа: съ „Властью тьмы“ оно переходитъ и въ театръ¹⁾.

¹⁾ Etudes critiques sur l'histoire de la littérature française. Septième-série. La littérature européenne au XIX siècle.

²⁾ Histoire des littératures comparées des origines au XIX siècle.

³⁾ Международный Толстовскій альманахъ.

⁴⁾ I. c.

⁵⁾ I. c.

Въ эти годы во французской литературѣ поднимается рядъ жгучихъ вопросовъ и слышатся новые голоса, вѣщающіе о томъ, что помимо *фактовъ и документовъ* существуетъ вѣдь и внутренняя жизнь, мораль, совѣсть... И здѣсь мятущимся душамъ приходитъ на помощь то, что дала Россія — Достоевскій, Толстой... проповѣдаемая ими религія милосердія, особая теорія — теорія прощенія!

Въ это-же время раздается протестъ Брюнетьера противъ золаизма, и начинаетъ колебаться вѣра въ его теоріи.

Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Толстого кадры воспитанниковъ и поклонниковъ Золя начинаютъ замѣтно рѣдѣть. Наиболѣе видные изъ нихъ, писатели съ рѣзко выраженнымъ индивидуализмомъ — Эдуардъ Родъ и Поль Маргеритъ признаютъ банкротство литературныхъ доктринъ учителя и все болѣе преклоняются передъ *идеалистическимъ реализмомъ* Толстого; вслѣдъ за ними пошли братья Рони.

Но новыя теоріи обратили на себя вниманіе не только молодежи... И писатели старой школы остановились въ недоумѣніи передъ тѣми идеями, которыя пересоздаютъ Европу и идутъ изъ Россіи...

Развѣ не остановился въ раздумыи передъ рядомъ новыхъ проблемъ авторъ „Нана“ и „Ассомуара“ подъ конецъ своей литературной карьеры; развѣ не начинаетъ онъ новой серіи романовъ, объединяемыхъ общимъ заглавіемъ „Четыре евангелія“... развѣ въ послѣднихъ его произведеніяхъ не проскальзываетъ мысль, что одно научное міровоззрѣніе оказывается бессильнымъ передъ запросами духа? Не замѣчается ли какая-то растерянность у Золя, такъ долго и искусно распоряжавшагося цѣлыми томами человѣческихъ документовъ при помощи одного лишь экспериментального метода? И послѣднія произведенія Золя не говорять ли о томъ, что у этого позитивиста поднимается роковой вопросъ: не иллюзорно ли было убѣжденіе въ конечной побѣдѣ его доктрины; всесиленъ ли онъ отвѣтить на то, что вѣчно вол-

¹⁾ J. Texte, Les relations littéraires de la France avec l'étranger (Petit de Julleville, Histoire de la littérature française des origines à 1900. T. VIII. XIV siècle. Période contemporaine).

нуетъ несчастное человѣчество?.. И онъ дѣлаеть попытку (можетъ быть, она и не удалась!) создать иного рода *документы*—документы, въ которыхъ уже будуть слышаться голоса не физиологии, а морали...

Такой переломъ мы замѣчаемъ въ старомъ Зола, а молодые французскіе романисты съ энтузіазмомъ заявляютъ въ своихъ признаніяхъ, что Толстой пропустилъ въ ихъ совѣсть такъ много свѣта и влияль въ нее такую могучую волну любви!..

Достоевскій не разъ говорилъ о вліяніи французской литературы на нашу. Дѣйствительно, начиная съ вѣка энциклопедистовъ, Вольтера, Руссо и кончая блестящей эпохой французской литературы въ тридцатыхъ—сороковыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка, мы многимъ обязаны Франціи.

Достоевскій мечталъ, что когда нибудь настанетъ та счастливая пора, когда и мы скажемъ свое слово, и къ нему станутъ прислушиваться въ Европѣ. Мечты Достоевскаго сбылись... Мы дожили до этого счастливаго времени.

Русское слово перешло за предѣлы нашей родины. Оно прозвучало на Западѣ какъ колоколь, гласящій о милости, правдѣ и красотѣ, и западно-европейское эхо подхватило его и разнесло далеко—далеко... Наша национальная совѣсть думается мнѣ, можетъ быть спокойна: русской литературой второй половины девятнадцатаго вѣка мы не только заплатили нашъ моральный долгъ Франціи, но отдали ею съ лихвой...

Любовь и правда у Л. Н. Толстого.

I. Два типа моралистовъ.

Если для нѣкоторыхъ моментовъ общественной жизни правильно замѣчаніе Фихте, что одинъ человѣкъ долженъ быть первымъ и что бываетъ имъ тотъ, кто можетъ быть,—для переживаемой исторической минуты, оно, какъ нельзя болѣе, примѣнімо къ Льву Николаевичу. Слова: „Левъ Толстой“ сдѣлались міровыми. Они еще рѣютъ въ сознаніи человѣчества вмѣстѣ съ великимъ и простымъ—ибо „все великое просто“—правственнымъ обликомъ учителя жизни.

Можно наблюдать и различать два типа учителей жизни. Одни изъ нихъ моралисты по разсудку. Моральная проблема подлежитъ у нихъ методическому и систематическому изслѣдованію.

Напр., Шаронъ, Гельвецій... Конть, во Франціи, Бутлеръ, Палей... Спенсеръ, въ Англіи, какъ и многіе философы морали другихъ странъ, прежде всего искали теоретической истины. Своей собственной жизнью они не выдѣляются или мало выдѣляются изъ массы людей.

Иной типъ представляютъ моралисты по призванию, моралисты сердца. Для нихъ нравственная проблема решается не усилемъ разсудка, а главнѣе усилиемъ воли. Она решена, если решена не въ мысли, но въ ихъ собственной жизни. Ибо, съ этой точки зренія, мораль заключаетъ въ себѣ не столько добро, найденное въ мысли, сколько добро, претворенное въ жизни. Чтобы стать такимъ моралистомъ, перемѣна въ мысли должна быть связана съ перемѣной въ чувствахъ и поступкахъ. По словамъ Толстого, сила освобождающая каждую частицу людскаго сдѣлленія (ложью, обманомъ) есть истина. Истина же передается людямъ, только дѣлами истины ¹⁾.

¹⁾ „Въ чёмъ моя вѣра“. Стр. 230. 1888 г. изд. 2-е. Genève.

Во имя дѣлъ истины у нихъ возникаетъ борьба воли—трагический элементъ внутренней душевной работы¹⁾. Моральная правда, данная „разумомъ сердца“ (выраженіе Л. Н. Толстого) не можетъ оставаться бездѣйственной у моралистовъ по призванію. Во имя тѣхъ же дѣлъ истины, она не можетъ не остановить дѣланія того, что ей противоположно²⁾. Такие моралисты не только проводятъ новыя борозды или углубляютъ старыя на зарастающемъ плевелами и волчцами полѣ морального сознанія людей. Они чувствуютъ призваніе сѣять свою жизнь, сливающуюся у нихъ съ ученіемъ, сѣять ее для моральныхъ всходовъ и жатвъ въ молодыхъ поколѣніяхъ. Проповѣдывать—это соблазнъ, говорилъ Л. Н. Толстой. Надо такъ жить по своимъ принципамъ, чтобы сама жизнь стала проповѣдью³⁾. Чтобы ученіе и исполненіе были одно⁴⁾.

Есть нравственные силы, вліянія ихъ преломляемаго и въ современности на тысячу ладовъ и въ тысячѣ формъ не остановить никакимъ клеймамъ, никакимъ узилищамъ. Ихъ носителей окружаетъ такое моральное мировое гиперпространство, передъ какимъ въ безсиліи останавливаются противники, какое выдѣляетъ ихъ изъ другихъ людей. Но именно вслѣдствіе гиперпространственности и гипервременности, нѣкоторая черты ихъ жизни-проповѣди являются малопонятными и малоприложимыми для данного момента.

¹⁾ См. „Три дня въ деревнѣ“. „Исповѣдь“ стр. 54 и др.

²⁾ См. „Недѣланіе“ стр. 28. Эта теорія или правильнѣе идея „дѣятельного недѣланія“ заимствована Л. Н. Толстымъ отъ Лао-дзы (604 ante Christum N), автора „Дао-дѣ-дзингъ“, въ которой находится ученіе о Дао. Новѣйший изслѣдователь китайской философіи Вильгельмъ Грубе переводить слово Дао греческимъ словомъ *λόγος* – разумъ—норма. Этика даосизма имѣеть въ своей основѣ теорію У—вѣй (Недѣланіе). Вильгельмъ Грубе приводить характерное для этой теоріи изреченіе. Полагаемъ, что оно характерно и для обрисовки одной изъ сторонъ морального идеала Л. Н. Толстого: „Святой человѣкъ пребываетъ въ дѣятельномъ недѣланіи и получаетъ безъ слова“— (т. е. своею жизнью).

³⁾ Рѣпинъ. Интимныя страницы. Изд. Сѣверовой.

⁴⁾ Бирюковъ. Біографія Л. Н. Толстого. Т. II. См. Въ „Кругѣ чтенія“ о П. Хельчицкомъ. Въ настоящемъ сборникѣ рѣчь проф. Дм. Ив. Багалѣя „Историческая параллель“ (Л. Н. Толстой и Сковорода).

И малопонятые, они сходять въ могилу со взоромъ, обращеннымъ къ обители правды, куда стремились всю жизнь и гдѣ выстрадали свое гражданство.

Таковъ Толстой во вторую половину своей жизни.

II. Любовь у Толстого.

Надъ могилой ¹⁾ его достаточно краткой надписи: „я возлюбилъ правду и людей“. Любовь и правда—содержаніе его жизни въ эту эпоху.

Въ основѣ любви этого неохристіанина XX вѣка—самоотреченіе. „Надо всегда дѣлать то, гдѣ больше самоотреченія“: любовь истинная, по мнѣнію Толстого, становится возможной только при отреченіи отъ блага животной личности. Возможность истинной любви начинается тогда, если человѣкъ понялъ, что нѣтъ для него блага его животной личности ²⁾.

Состояніе любви—состояніе благоволенія ко всѣмъ людямъ.

Моральный горизонтъ любви у Толстого широкъ, какъ равнины отечества ³⁾. Она многотерпѣлива, какъ многотерпѣливо идетъ русскій народъ по своему историческому пути. Она грустна, какъ грустна пережитая имъ русская дѣйствительность. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя любить страдающихъ людей, не испытывая грусти. Нельзя сдержать слезъ, какими не разъ плакалъ Толстой, при сознаніи бессилія помочь тѣмъ, кто съ мольбою простираетъ къ вамъ руки. Особенно, при распирившимся охватѣ симпатій, когда нес-

¹⁾ Какой, по словамъ Боборыкина, не было еще вырыто въ Россіи. (Лекція о Толстомъ, произнесенная въ Римѣ). Однако, Боборыкинъ описывается. Молокане давно хоронятъ своихъ усопшихъ безъ всякихъ обрядовъ.

²⁾ О жизни стр. 116 гл. XXIV. Истинная любовь есть послѣдствіе отреченія отъ блага личности. М. Стаковичъ, близко знавшій Л. Н. говорилъ, что мысль объ отреченіи отъ мірскихъ радостей явилась у Толстого еще въ юности. Въ этомъ отношеніи на него повлиялъ романъ Ауэрбаха: „Новая жизнь“.

³⁾ См. статью „Первая ступень“. „Единая Заповѣдь“.

частіє на одномъ концѣ земли, мгновенно отзыается на другомъ¹⁾.

Связи между народами, но не между ихъ командующими классами (135 стр. „Такъ что же намъ дѣлать“), становятся все моральне и гуманнѣе. Левъ Николаевичъ, быть можетъ, единственный примѣръ человѣка, наиболѣе сердечно и красочно запечатлѣвшій ученіемъ—жизнью истинный характеръ такихъ крѣпнущихъ связей. Ни одна изъ жизней великихъ современниковъ не имѣеть подобного космоэтическаго характера²⁾. Она прошла среди народа, въ которомъ отмѣчено „сильное тяготѣніе къ вселовѣческому гуманизму“, къ разрѣшенію религіозно-нравственной проблемы. Въ такомъ смыслѣ одѣнено міромъ и значеніе толстовскаго „оказательства любви“. Надѣ его гробомъ націи всего міра протянули другъ другу руки. Отъ русскихъ сѣверныхъ тундръ до южно-африканскихъ колоній, и отъ береговъ великаго океана до страны „восходящаго солнца“, пронеслась скорбь объ утратѣ носителя вселовѣческой любви³⁾. Вним.

1) Толстой глубоко вѣрилъ въ осуществленіе словъ Дюма, о приложениі въ недалекомъ будущемъ къ жизни закона любви другъ къ другу, о томъ, что люди будутъ охвачены „безумнымъ бѣшенствомъ любви“. („Недѣланіе“ стр. 24).

2) См. огромную „всесвѣтную“ переписку Л. Н. Толстого. (Сборникъ писемъ Л. Н. Т-го I и II ст. изд. П. А. Сергеенко).

3) На Западѣ, какъ извѣстно, по случаю кончины Л. Н. были подняты траурные флаги на ратушахъ. Назначались собранія, посвященные его памяти. Городскія власти одной изъ частей Берлина постановили назвать улицу его именемъ. Пасторъ евангелической церкви въ Римѣ, въ сердечно сказаной проповѣди приглашалъ прихожанъ почтить память Толстого. Въ Парижѣ предположентъ Л. Н. памятникъ и пр.

На Востокѣ:

Арабская печать въ лицѣ газетъ: Альмукаттамъ, Альхадра, Аль-ихрамъ, Аззухуръ, Лисануль-халь, Альмугазебъ (органъ сирійскихъ масоновъ, издающійся въ Захле) Альбархъ—всъ безъ исключенія, говорить Сирійскій корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (изъ Бейрута)—оплакивали „великаго московитскаго мудреца“.

Также поступили „Танинъ“ и др. газеты Турціи.

Объ извѣстности Толстого въ Индіи нечего говорить. Не такъ давно обошла всѣ газеты его переписка съ Индуломъ. Популярность имени Толстого въ Америкѣ чрезвычайно широка. Недавно сообщили случай, какъ Эдиссонъ, получивъ краткую записку отъ Л. Н. съ прось-

маніемъ, не имѣющимъ себѣ равнаго въ исторіи человѣческихъ отношеній, люди признали и оцѣнили всечеловѣческую черту любви Толстого, тепло и просто выраженную въ его извѣстной молитвѣ:

„Знаю, что если я въ любви, то я съ Тобой. А если я съ Тобой, то все-благо. Такъ буду же всегда любить всѣхъ въ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ“¹⁾.

Передъ кончиной, послѣдними словами Л. Н. были.... люблю истинно, много, много.... „люблю всѣхъ“... и онъ, дѣйствительно, любилъ такъ всѣхъ, и міръ откликнулся ему отвѣтной любовью.

Вторая отличительная черта любви у Толстого знаменитое „непротивлѣніе злу насилиемъ“,²⁾ вызывавшее насмѣшку однихъ, негодованіе и осужденіе другихъ.

„Своего Христа, писалъ, напр., Толстому Побѣдоносцеву, 15 іюня 1881 г., я знаю мужемъ силы и истины, исцѣляющими разслабленныхъ, а въ Вашемъ показались мнѣ черты разслабленнаго, который самъ требуетъ исцѣленія“.

„Есть нѣчто гнетущее, уродливое, позорящее въ этой проповѣди терпѣнія и непротивлѣнія“,—указывалъ М. Горькій на ту же черту толстовскаго ученія, въ своей статьѣ о Достоевскомъ (по поводу рѣчи о Пушкинѣ) и Толстомъ, вышедшей въ Вѣнѣ.

Послѣдуемъ однако мудрому совѣту Спинозы: *non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere.* Не смѣяться, не проклинать, но понимать.

Что въ сущности, означаетъ собою идея непротивлѣнія? Съ научной точки зрѣнія,—какую одну мы имѣемъ въ виду,—ничто иное, какъ крайнее выраженіе индивидуального и собой оказать помощь двумъ русскимъ рабочимъ-крестьянамъ, эмигрировавшимъ въ С.-Америку, пріѣхаль къ нимъ и увезъ ихъ къ себѣ на автомобильѣ. Въ Англіи Aylmer Maude написавшій громадное (1, 145 стр). соч. о Л. Н. (*The Life of Tolstoi*. Vol. I, 1908. Vol. II, 1910) между прочимъ чрезвычайно характерно объясняетъ причину составленія своего труда: „Необходима біографія Толстого, которую написалъ бы англичанинъ“.

¹⁾ Письмо къ М. М. Дондуковой-Корсаковой. См. также архивъ Л. Н. Толстого. Бирюковъ. II т. 374 стр. Французскому моралисту принадлежитъ афоризмъ: *La pensée est en moi large comme l'amour.* Толстой могъ бы сказать про себя, что у него любось широка, какъ мысль.

²⁾ Ср. Кругъ чтенія т. I стр. 196. „Непротивлѣніе злу насилиемъ“.

ціального отказа оть всякой карательной санкції. Посмотрите, какъ шелъ исторический процессъ въ этомъ направлениі. Начальнымъ пунктомъ его было даже не „*jus talionis*“, о которомъ читаемъ въ Исходѣ: „если будетъ вредъ (гл. 21, ст. 23, 24), то отдай душу за душу, око за око, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу“. Библейское право воздаянія равнымъ за равное принадлежить уже сравнительно высокой культурѣ.

„Въ началѣ же кара была гораздо сильнѣе, чѣмъ поступокъ, защита превосходила нападеніе¹⁾. Раздразните дикое животное—оно разорветъ васъ, обрушьтесь на свѣтскаго человѣка—онъ отвѣтитъ вамъ остротой, оскорбите философа—онъ вамъ ничего не отвѣтить... Было время, когда, защищаясь противъ оскорбителя, его уничтожали. Позже, было замѣчено, что нѣть нужды поступать такъ сурово: тогда является попытка точно соразмѣрить рефлексивную реакцію съ нападеніемъ. Въ этотъ именно періодъ слѣдуютъ правилу: око за око...

Съ теченіемъ времени человѣкъ увидѣлъ, что бесполезно даже въ видахъ личнаго сохраненія, непремѣнно сопротивляясь налагаемое наказаніе съ полученнымъ страданіемъ. Онъ стремится уменьшать карательную санкцію и въ будущемъ все болѣе и болѣе становить къ этому стремиться, онъ будетъ все рѣже прибѣгать къ этимъ, по словамъ Гюйо, затратамъ соціальной силы, становящимся совершенно бесполезными съ момента, когда онъ превосходитъ единственную цѣлью, въ которой находять себѣ научное оправданіе, а именно: защиту индивида и общественнаго тѣла, которое подвергается злу нападенія...

Словомъ, вмѣсто суровости и жестокости, все могущественіе и дѣйствительнѣе становится тенденція къ минимуму страданія и, наконецъ, его совершенному уничтоженію“

Орудія пытки передовыми народами уже сданы въ музеи. За ними послѣдуютъ и всякия другія формы и орудія карательной санкції во всѣхъ областяхъ жизни, начиная „закономѣрными“ лишеніями жизни, т.-е. самыми ужасными,

¹⁾ См. Ж. М. Гюйо. Очеркъ морали.

отвратительными, безчеловѣчными и кончая такими, напр., какъ линейка педагога ¹⁾.

Хорошо понятное и правильно истолкованное непротивленіе злу насилиемъ имѣеть своимъ скрытымъ корнемъ глубочайшее уваженіе и любовь къ человѣческой личности. Насиліе принижаетъ въ личности человѣческое достоинство, пробуждаетъ и воспитываетъ въ ней звѣря, ударяя по діаволу оно всегда задѣваетъ въ человѣкѣ Бога ²⁾.

Уничтоженіе всякаго насилия—заключительный, увѣнчивающій аккордъ человѣческой ассоціаціи, основанной на любви „ко всѣмъ людямъ, какова бы ни была ихъ нравственная, умственная или физическая цѣнность“.

Нельзя не признать, что идея непротивленія злу насилиемъ подобно маяку озаряетъ рѣзкимъ, рѣжущимъ глаза свѣтомъ нашу современность съ ея гладіаторскимъ взглядомъ на жизнь!

Таковой представляется эта любовь, любовь всечеловѣчности ³⁾, милосердія, непротивленія ⁴⁾, отреченія ⁵⁾, выросшая подобно евангельскому горчичному зерну и выросшая именно въ условіяхъ русской исторической жизни.

Мало сказать: Толстой — своеобразный послѣдователь Евангелия. Западъ воспринялъ ученіе Христа ранѣе. Однако именно тамъ недоумѣваютъ надъ непротивленійскимъ характеромъ Толстовской любви и правды.

На Западѣ, съ его пересѣченной топографіей и болѣе интенсивной жизнью, личность рано столкнулась въ длини-

1) О послѣднемъ см. Л. Н. Толстой, „Избранныя мысли о воспитаніи и образованіи“. Библіотека свободного воспитанія и образования: Подъ ред. Горбунова-Посадова. Вып. 25-й. 1909 г. Москва.

Отрицательное значеніе насилия понимали болѣе ранніе мыслители даже и не идеалистического направлениія. „Omne remedium violentum,— говорить Бэконъ Веруламскій,— praeagnans novi mali. (De augmentis scientiarum. VI. C. III. XLIV).

2) Ср. Кругъ Чтенія. См. Гюйо, Очеркъ морали.

3) См. статью: „О присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австроії“. 5 ноября 1908 г.

4) См. недавнее любопытное письмо къ Гусеву; также А. Фетъ, „Мои воспоминанія“.

5) См. „Исповѣдь“. Надо жить по Божьи, отрекаться ото всѣхъ утѣхъ жизни, трудиться, смиряться, терпѣть и быть милостивымъ.

ной борьбѣ съ государственной властью за свои права. Народы запада уже распѣвали въ своихъ пѣсняхъ обѣ исполненіи временъ перековать кресты въ мечи...

Русскіе выросли на равнинѣ съ уходящими въ даль перспективами. Малокультурныхъ, невѣжественныхъ, подъяремныхъ громадному государственному строительству тогдашнихъ жителей нынѣшихъ центральныхъ губерній Московской, Тульской, „черноземную силу“ и теперь еще ожидающую „зеленаго клина“ и „чернаго передѣла“, исторія воспитала въ беззавѣтной покорности. Въ ихъ характерѣ черты покладистости глушили пока дремавшее и только порою дававшее себя знать чувство права. Вольница, которой тягло становилось не въ моготу, не боролась, не противилась въ длительной, систематической борьбѣ, а „брела розно“, какъ говорятъ хроники, и обыкновенно разсыпалась по окраинамъ безпредѣльной равнины. Такъ возникало казачество. Съ его помощью въ „разиновщинѣ“—„шли за зипунами“, а въ „пугачевщинѣ“—„трахнуть Москвой“, когда крайности раззоренія, гнета и личнаго надругательства подняли молчавшее дотолѣ населеніе. Но потухло грозное зарево. И опять начинали „брести розно“. Такъ въ особенности рабредались и уходили люди морально-религіозной складки. Такъ безропотно уходили въ тайгу, приволжскіе лѣса отъ всякихъ помѣхъ религіозно-духовные старо-завѣтники, такъ уходили и новые своеобычники, „богостроители“, „богоискатели“.

Въ массѣ русскій человѣкъ былъ всегда терпѣливъ, выносливъ до фанатизма. Не даромъ, русское упорное „ничего“ сдѣлалось поговоркой на Западѣ. Въ своемъ упорствѣ народъ готовъ страдать до конца, но и стоять на своемъ до конца. (Замѣчательно, что и Толстой, утвердившись въ своемъ непротивленствѣ, до конца остался вѣренъ инициативѣ жизни, упорно проявивъ ее у порога могилы).

Когда же и окраины не спасали, вольница уходила далѣе. Такъ поступали и впослѣдствіи крупныя единицы: за Курскими — Герцены, Тургеневы... когда отрывались отъ родной пуповины... И съ аннибаловой клятвой они уходили далѣе и далѣе: за-границу.

Толстой въ душевной тоскѣ, съ любовью, припалъ къ матери-землѣ, повилъ себя върою, горемъ мужицкимъ и хотѣлъ остаться сначала на родинѣ. Въ молодости, послѣ одного незваннаго посѣщенія ¹⁾, у него вспыхнуло желаніе бросить все иѣхать за-границу. Однако, народная стихія, съ которой онъ уже выразумѣлъ свое родство по крови и духу, пока пересилила. Не пустили „Каратеевы“, Сютаевы ²⁾, Бондаревы ³⁾, непоколебимые въ любви и въ долготерпѣніи до страшнаго часа. Сюда относится признаніе Л. Н.: „За всю мою жизнь два русскихъ мыслящихъ человѣка имѣли на меня большое нравственное вліяніе и обогатили мою мысль и уяснили мнѣ мое міросозерцаніе. Люди эти были не русскіе поэты, ученые, проповѣдники, это были два... замѣчательныхъ человѣка, оба крестьяне—Сютаевъ и Бондаревъ („Такъ что же намъ дѣлать“, 2-е изд., стр. 121).

Простые люди ⁴⁾, къ которымъ обратился и Толстой за простой правдой жизни, съ которыми онъ сблизился и которыхъ онъ такъ любилъ, понимали его моральную работу. Одинъ яснополянскій крестьянинъ на похоронахъ сказалъ про Толстого: „онъ хорошо узналъ всѣ грѣхи и научился жить по правдѣ“.

Послѣдней мыслью Льва Николаевича обѣ устроїствѣ своей жизни все-таки, говорять, была мысль о Болгаріи... Изъ пѣсни слова не выкинешь... И въ предсмертномъ бреду онъ повторялъ: „я пойду, я пойду куда-нибудь, и чтобы никто не мѣшалъ...“ ⁵⁾.

¹⁾ Полиціи съ обыскомъ.

²⁾ По сообщенію близкаго семейства Л. Н. Толстого М. С. Сухотина. Левъ Николаевичъ часто повторялъ фразу Сютаева: „всё въ тебѣ“, т. е. въ самомъ человѣкѣ.

³⁾ См. статью Ив. П. Вѣлоконскаго въ „Русск. Вѣд.“ № 293. Декабрь 1910 г. „Графъ Л. Н. Толстой и крестьянинъ Бондаревъ“. См. также статью Л. Н. Толстого по поводу сочиненія крестьянина Т. М. Бондарева: „Торжество земледѣльца или трудолюбіе и тунеядство“. (изд. „Посредникомъ“)—„О хлѣбномъ труде“ и въ особенности предисловіе Л. Н. къ этому соч. Бондарева.

⁴⁾ См. Исповѣдь, стр. 64. Трудовой народъ дѣлающій жизнь сталъ Учителемъ Толстого. „Рабочие люди“ ne sont pas encore assez savants pour raisonner de travers—цитируетъ онъ Монтеня. См. статью „О присоединеніи Босніи etc.“.

⁵⁾ Лекція М. А. Стаковича въ Москвѣ въ Декабрѣ 1910 г. См. также фельетонъ г-жи Кузьминской въ Новомъ Времени 1910. Декабрь.

III. Правда у Толстого.

Охарактеризованная выше любовь, въ сущности, лишь моральная форма чувства для индивидуальныхъ и общественныхъ отношеній.

Чѣмъ должна быть наполнена форма? Гдѣ точка приложенія чувства?

Отвѣтъ даетъ понятіе о правдѣ у Толстого. Ее то онъ и совѣтуетъ искать людямъ. О ней говорить во многихъ мѣстахъ своихъ трудовъ. Что же такое она?

Это соціальная правда, а не объективная истина, къ которой стремится наука или,—по Толстому—лженаука¹⁾. (Какъ и всѣ моралисты по призванію, онъ выражается прямо и рѣзко).

Теоретическая наука стремится озарить свѣтомъ знанія тайну мерцающихъ созвѣздій и проникнуть до мельчайшаго атома вселенского организма. Но не оставляетъ ли она темной ночи въ душѣ человѣка, ищущаго смысла и цѣли жизни? Такой вопросъ науки ставили и ранѣе Толстого²⁾.

Прикладная наука даетъ дредноуты, аэропланы, автомобили, митральезы, 30-ти этажные дома—говорить онъ. И что же? Результатами и той, и другой пользуется лишь

„Уйти отъ всего, уйти отъ роскоши, отъ этой жизни, обличающей насъ на каждомъ шагу“... Биограф. Л. Н. Бирюковъ въ докладѣ, прочитанномъ въ обществѣ внѣшкольного образования (1910) Москвы, приводить изъ послѣднихъ дневниковъ Толстого слѣдующую выдержку: „Все такъ же мучительно—пишетъ Л. Н.—Жизнь здѣсь, въ Ясной Полянѣ, вполнѣ отравлена. Куда ни пойду—стыдъ и страданіе. Все мучительнѣе неправда роскоши среди недолжной нищеты и нужды, среди которой живу. Все дѣлается хуже и хуже, тяжелѣй и тяжелѣй. Не могу забыть этого, ни видѣть. Я долженъ освободиться отъ этого мучительнаго положенія, не могу, такъ жить и не буду. Помоги мнѣ, Господи“

¹⁾ См. статьи: „О ложной науки“, „Неизбѣжный переворотъ“ (Предисловіе). 5 іюля 1909 г. „Что такое искусство“. Изд. 2-е. Исправленное. Заключеніе. См. ст. (письмо): „О противорѣчіяхъ эмпирической нравственности“. Подробнѣе объ этомъ отношеніи Л. Н. къ теоретической науки см. нашу книжку: „Позитивная наука и ея нѣкоторые критики“. 1911 г.

²⁾ Напр. Darmesteter. Les Prophètes etc.

меньшая половина человѣчества, при томъ себѣ и другой большей трудящейся половинѣ въ конечномъ счетѣ, во вредъ, ибо не получаетъ душевнаго удовлетворенія. Вспомните объ эпидеміи самоубийствъ среди этой половины. „Несчастіе нашей жизни, какъ мы, богатые люди, ни поправляемся, ни подпираемъ съ помощью науки и искусства эту нашу ложную жизнь, жизнь эта становится съ каждымъ годомъ и slabѣе, и болѣзненнѣе и мучительнѣе, съ каждымъ годомъ увеличивается число самоубийствъ, съ каждымъ годомъ мы чувствуемъ увеличивающуюся тоску нашей жизни“. („Такъ что же намъ дѣлать“. Стр. 129. гл. XXXIX“). Первая половина—каста съ очищенными ногтями, вставными зубами, дорогими одеждами, убранствомъ комнатъ, изысканными купаніями. Другая каста полуголодныхъ, грязныхъ, неотдыхающихъ, безграмотныхъ, работающихъ по 16 часовъ въ сутки людей. На нихъ, непользующихся науками и техникой, лежитъ вся тяжесть подпиранія своимъ трудомъ и науки, и ученыхъ и тѣхъ кого Толстой называетъ „дармоѣдами“, („Такъ что же намъ дѣлать“. Стр. 131) ¹⁾. Переходъ изъ низшей въ высшую касту возможенъ съ помощью науки т. е. образования. Невольно возникаетъ вопросъ. Стоить ли миштура современныхъ цивилизаций и культуры не удовлетворяющая даже лучшихъ одной, верхней половины человѣчества, чтобы страдали и умирали во имя ея люди другой, низшей.

„Неужели такъ надо?“—мучительно спрашиваетъ Толстой (см. статью того же названія).

Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы понять: въ чёмъ прежде всего коренится отрицательное отношение Толстого къ наукѣ, правильнѣе, къ той чертѣ современной науки, съ государственной печатью на устахъ, что она, дѣля человѣчество на двѣ касты—ученыхъ и невѣжественныхъ, разверзаетъ между ними, по утвержденію Л. Н. Толстого, глубокую соціальную пропасть, какую нельзя заполнить однѣми книгами, хотя и самыми доброжелательными.

¹⁾ Мысль о двухъ кастахъ, создающихъ образованіемъ, явилась у Толстого еще въ 1864 г. См. „Прогрессъ и опредѣленіе образованія“. Ср. также „Мысли, вызванныя переписью въ Москву“.

Возникаетъ вопросъ отрицаеть ли Толстой науку и искусство, такъ сказать, *in se et per se*? Объ этомъ сложилось обыденное мнѣніе съ положительномъ отвѣтомъ на него. Полагаемъ, что оно едвали правильно и во всякомъ случаѣ требуетъ объясненія. Надо расчленить вопросъ. Толстой критикуетъ, при томъ рѣзко и методологически неосновательно, теоретическую, науку. Во вторыхъ, онъ желаетъ, „лженаку“ замѣнить „наукой истинной“, сливающейся у него съ моралью. Мы уже отмѣтили, что дѣйственный морализмъ въ Толстомъ подавляетъ научный объективизмъ. Наука или ничего не стоить или вообще стоить постольку, поскольку она завершается этикой. (Развѣ это мнѣніе ужъ такъ далеко, напр., отъ мнѣнія о первенствующемъ значеніи этики Спенсера, который задачей всей своей философской дѣятельности, вѣнцомъ ея поставилъ этику¹⁾). Почувствовавъ упадокъ силъ и боясь не выполнить этой задачи, англійскій философъ прервалъ текущую работу, веденную имъ по заранѣ обдуманному плану и сразу перешелъ къ этикѣ. Завершивъ ее, возвратился опять къ заполненію пробѣла, сдѣланнаго во имя конечнаго разрѣшенія именно этической проблемы).

Вотъ что говорить самъ яснополянскій моралистъ: ... „Наука, искусство! Вы отрицаете ихъ, т. е. отрицаете то, чѣмъ живетъ человѣчество... Мнѣ постоянно дѣлаютъ,— удивляется Л. Н.—это не возраженіе, а употребляютъ этотъ приемъ, чтобы не разбирая ихъ отбрасывать мои доводы. „Онъ отрицаеть науку и искусство, онъ хочетъ вернуть людей къ дикому состоянію, что же слушать его и говорить съ нимъ“. Но это несправедливо. Я не только не отрицаю науку, т. е. разумную дѣятельность человѣческую, и искусство—выраженіе этой разумной дѣятельности, но я только, во имя этой разумной дѣятельности и выраженій ея говорю то, что я говорю, только для того, чтобы была возможность человѣчеству выйти изъ того дикаго состоянія, въ которое оно быстро впадаетъ, благодаря ложному ученію нашего времени, только для этого я и говорю то, что я говорю.

¹⁾ Но этику, конечно, теоретическую, а не практическую, въ чёмъ большое различіе между англійскимъ и русскимъ моралистами.

Наука и искусство также необходимы для людей какъ пища и питье и одежда, даже необходимъе ¹⁾.

Но необходимыми дѣлаются они будучи истинными, будучи во вторыхъ, поставлены совершенно въ иныя условія соціального пользованія ими чѣмъ нынѣ. Нынѣ же они приносятъ неисчислимый вредъ. Здѣсь трагическая черта нашей дѣйствительности, пропитанной наукой и искусствомъ, которыя могутъ сдѣлаться благословеніемъ человѣчества, а становятся какъ бы его проклятиемъ.

Гдѣ же выходъ?

Онъ простъ и въ томъ, чтобы наука перестала быть ложной наукой, сдѣлалась бы наукой истинной, а это значитъ, чтобы наука истинная служила всѣмъ, а не только „верхнимъ 10.000“. Это значитъ чтобы истинная наука объяснила каждому человѣку, что ему надо дѣлать для того, чтобы не могло быть людей голодныхъ или лишенныхъ возможности пользоваться землей, на которой они родились, чтобы не было женщинъ, отдающихъ на поруганіе свое тѣло, чтобы не было соблазна, пьянства, алкоголя, табака, чтобы не было дѣленія на враждебные народы, не было бы убийствъ... и многаго другого. Мало того, людямъ занятымъ истинной наукой надо будетъ уяснить, что надо дѣлать каждому че-

1) „Такъ же намъ дѣлать. Гл. XXXVI. Когда рѣчь эта была уже подготовлена, мы съ чувствомъ удовлетворенія прочли въ статьѣ Г. А. Хирьякова (Русск. Вѣд. 1910 г., № 280) „Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ“ подтвержденіе нашего взгляда на лейт-мотивъ отношенія Л. Н. Толстого къ наукѣ. Г. А. Хирьяковъ приводитъ ниже следующія слова великаго писателя, сказанныя имъ въ разговорѣ съ однѣмъ изъ близкихъ людей еще въ 1893 году. Г. А. Хирьяковъ говорить: Слова эти были мною тогда же записаны, и если запись эта и не буквально точная, то за точную передачу мысли я вполнѣ могу ручаться.“

„Когда общественная жизнь,—сказалъ Толстой,—построена на любовныхъ, братскихъ началахъ, и наука и искусство служить всѣмъ людямъ одинаково, тогда имѣютъ полное право на существованіе и картины Рѣпина, и философскій журналъ Грота, и романы Толстого. Но если этого нѣть, если наука и искусство служить только небольшой кучкѣ счастливцевъ, тогда картины Рѣпина, журналъ Грота и романы Толстого являются безмѣрной роскошью, кондитерскимъ пирожнымъ среди голодающихъ.“.

ловъку для того, чтобы хорошо воспитывать дѣтей, чтобы хорошо жить вмѣстѣ, чтобы хорошо питаться, чтобы хорошо воздѣлывать землю. Такъ много такихъ, говорилъ Л. Н. Толстой и много, много другихъ важныхъ вопросовъ будетъ стоять передъ людьми, занятими истинной наукой, что едва ли когда-нибудь будутъ они въ состояніи и захотятъ заняться взрывчатыми веществами, подводными лодками... и пр...

Скажу коротко.

Правда Толстого и его жизни не въ томъ, чтобы современнымъ рабамъ, во всѣхъ смыслахъ, становилось лучше, но чтобы вовсе не было никакого рабства ¹⁾.

(„Не дѣлайтесь рабами человѣковъ“. 1-ое посланіе къ Коринѣ. Г. 7. ст. 29).

Какъ и всѣ моралисты Божіей милостью, Левъ Николаевичъ не удовлетворялся относительной правдой. Онъ училъ и служилъ правдѣ принципіальной. Во имя нея онъ принялъ свое предсмертное, правильнѣе сказать, смертное рѣшеніе.

Про такую правду французскій поэтъ-философъ сказалъ:

«Я знаю: мучительно болѣно отъ правды. Быть можетъ умри—кто смотритъ въ глаза ей. Пусть будетъ что будетъ ²⁾. О, глазъ мой смотри» ³⁾.

¹⁾ См. „Кругъ Чтенія“. Выпiska изъ Герцена. См. также „L'esclavage de notre temps“. L. Tolstoy. 1902. Политическій характеръ ученія Л. Н. Толстого, какъ извѣстно, характеризуютъ и у насъ, и на Западѣ (см., напр., книгу Эльцбахера „Анархизмъ“)—анархическимъ.

²⁾ 3 ноября, Л. Н., за нѣсколько дней до смерти, написалъ послѣдній разъ въ своеемъ дневникѣ, веденномъ имъ въ теченіе долгихъ лѣтъ: „Fais ce que dois, adv... (advienne que pourra). Въ статьѣ о „Смыслѣ жизни“ 1900 г. читаемъ слѣдующія характерныя заключительныя строки: „Каждый приходитъ къ истинѣ своими путями; но одно могу сказать, что то, что я пишу, не слова, а этимъ живу, только этимъ счастливъ и съ этимъ умру“. Какъ видѣть читатель, Левъ Николаевичъ осуществилъ чтѣ говорилъ.

³⁾ M. Guyau. Vers d'un philosophe. La douce mort.

„Le vrai, je sais, fait souffrir;
Voir, c'est peut être mourir;
N'importe ô mon oeil, regarde!“

Г. С. Сковорода и Л. Н. Толстой.

Историческая параллель.

(Роль проф. Д. И. Багаллья).

Еще долго не сгладится въ русскомъ обществѣ тяжелое чувство, вызванное кончиною „величайшаго изъ великихъ“ нашего времени—Льва Николаевича Толстого; еще долго общество будетъ находиться подъ впечатлѣніемъ этой исключительной утраты. Къ обычному *jus manum* (праву мертвыхъ) на погребальную почесть со стороны живущихъ, которое свойственно даже первобытнымъ, нецивилизованнымъ народамъ, въ данномъ случаѣ присоединится то, что оживить и возродить обликъ почившаго въ свѣтлой, яркой, благодарной памяти цѣлаго ряда послѣдующихъ поколѣй: это уже исключительное право генія—возрождаться и какъ бы жить новою жизнью послѣ смерти въ сознаніи потомства. Въ самомъ дѣлѣ: неужели не живутъ въ нашемъ сознаніи Сократъ, Шекспиръ, Пушкинъ? Вѣдь они и теперь заставляютъ переживать каждого изъ насъ то, чѣмъ они жили, что они чувствовали. На помощь нашей потребности въ такихъ переживанияхъ приходитъ и *наука*: она вступаетъ въ свои права наслѣдника немедленно послѣ того, какъ обнаружится общественная скорбь. Точное воспроизведеніе жизни дѣятеля въ связи съ его эпохой, установление критическимъ путемъ подлиннаго текста его сочиненій, уясненіе ихъ настоящаго смысла и значенія, опредѣленіе тѣхъ вліяній, которыхъ воздѣйствовали на писателя—вотъ тѣ проблемы, которыхъ требуютъ въ такихъ случаяхъ научной работы не только отдельныхъ лицъ, но и цѣлыхъ учрежденій (академій, ученыхъ обществъ, подчасъ, какъ это было съ Шекспиромъ, специальныхъ); такъ будетъ, увѣрены мы, и съ изученіемъ Л. Н. Толстого, которое приметъ, да уже отчасти и приняло не только национальный, но и интернациональный характеръ.

Настоящее собрание, по характеру своему, какъ вы могли убѣдиться, представляетъ первую у насъ въ Харьковѣ попытку подойти къ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности Л. Н. Толстого съ научной точки зрења. Да и не могли, конечно, мы, дѣятели науки, выступать иначе—таковы уже наши навыки и привычки. Само собою разумѣется однако, что наши попытки носять самый первоначальный характеръ—это легкіе наброски: по крайней мѣрѣ, такъ смотрю я на свой безпритязательный этюдъ; это скорѣе постановка, чѣмъ рѣшеніе вопроса, по постановка, на мой взглѣдъ, законнаго, необходимаго вопроса.

Нельзя себѣ представить исторического дѣятеля внѣ связи со средой, его окружающей, внѣ вліяній, такъ или иначе на него дѣйствовавшихъ. Отъ такихъ вліяній не свободны самые выдающіеся умы, наиболѣе самостоятельные и оригинальные мыслители. При этомъ, конечно, всегда дѣйствуетъ и другое начало—вліяніе исторической личности на окружающую среду и чѣмъ выше, геніальнѣе личность, тѣмъ больше она можетъ дать обществу, взамѣнъ того, что получила отъ него.

Такимъ образомъ и Л. Н. Толстого, какъ философа, мыслителя и моралиста, мы должны поставить въ историческую обстановку, т. е. установить связь его личности и идей съ дѣяниями прошлаго. Здѣсь нѣтъ рѣчи, конечно, о механическихъ заимствованіяхъ: великій человѣкъ такъ самостоятельно перерабатываетъ чужое, даетъ ему такія оригиналъные формы выраженія, что оно является его собственнымъ, индивидуальнымъ. Но стоить обратить вниманіе хотя бы только на „Кругъ Чтенія“, составленный Л. Н. Толстымъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ высоко цѣнилъ онъ мысли другихъ философовъ, близкихъ ему по духу; это какъ бы его истинные друзья, къ которымъ онъ, какъ известно, обращался и въ свои предсмертныя минуты. Это будуть и древніе, и новые мыслители и писатели—Сократъ, Маркъ Аврелій, Конфуцій, Будда, Платонъ, Аристотель, Паскаль, Руссо, Спиноза, Лютеръ, Кантъ, Рескинъ и др. Одному изъ такихъ близкихъ по духу лицъ—чешскому крестьянину Петру Хельчицкому, жившему и писавшему въ первой половинѣ XV в.

Л. Н. Толстой посвятилъ особый этюдъ въ свое мѣсто „Кругъ Чтенія“, гдѣ, между прочимъ, высказалъ мысль, что книга Хельчицкаго „Сѣть вѣры“, изданная нашей русской Академіей Наукъ, несмотря на свою старину, „слишкомъ опередила свое время“ и „пора ея плодовъ еще не настала“. Другимъ такимъ близкимъ по основамъ жизни и ученія предшественникомъ Л. Н. Толстого является знаменитый украинскій философъ и въ то же время первый самостоятельный представитель русской философіи Григорій Саввичъ Сковорода. Изъ него также приводить Л. Н. Толстой слѣдующій замѣчательный афоризмъ: „благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ“. Когда въ 1894 г. вышло подъ моей редакціей изданіе собранныхъ мною сочиненій Г. С. Сковороды съ его біографіей, то одинъ англійскій ученый г. Джонстонъ, ознакомившись съ нимъ, возымѣлъ было намѣреніе издать книгу для англичанъ и американцевъ подъ заглавіемъ— „Предтеча Л. Н. Толстого— Г. С. Сковорода“. Такъ много сходныхъ чертъ онъ увидѣлъ въ ученіи и жизни обоихъ мыслителей и моралистовъ.

И дѣйствительно, это сходство можно было бы установить на основаніи многочисленныхъ параллелей и сопоставленій. Не желая утомлять вниманіе присутствующихъ, я отмѣчу только сходство въ томъ, что составляетъ самую сущность жизни и ученія того и другого мудреца.

Оба они стремились согласовать свою жизнь со своимъ ученіемъ и въ основу жизни оба положили стремленіе къ прощенію, при чемъ Г. С. Сковородѣ удалось вполнѣ разрѣшить эту задачу: онъ жилъ такъ, какъ училъ, а училъ такъ, какъ жилъ. Г. С. Сковорода совершенно опростился въ своей личной жизни. Его широкое образованіе, умъ, краснорѣчие открывали передъ нимъ возможность достиженія самыхъ высокихъ степеней въ церковной іерархіи, но онъ добровольно сдѣлался странствующимъ проповѣдникомъ, отрицавшимъ деньги и все жизненные удобства, бездомнымъ и безсемейнымъ, ъѣль самую простую пищу, не ъѣль мяса, любилъ природу и музыку, самъ игралъ на флейтѣ, ходилъ въ крестьянскомъ платьѣ и вѣль такую жизнь въ теченіе болѣе четверти вѣка, странствуя пѣшикомъ съ посохомъ въ руки и ко-

томкою, въ которой была его любимая книга—Библія, повторяя постоянно, что избранный имъ путь даетъ ему счастіе, душевный міръ, сердечное веселіе и умирая самъ себѣ составилъ характерную эпітафію: „міръ меня ловилъ, но не поймалъ“. Левъ Николаевичъ все время мучительно чувствовалъ разладъ между своею проповѣдью и жизнью и этотъ разладъ закончился его уходомъ изъ Ясной Поляны. Еще въ 1897 г., какъ оказывается теперь, онъ написалъ письмо женѣ, которое однако не было отправлено ей тогда и передано только теперь. Въ немъ Л. Н. писалъ: „меня давно мучить несоответствіе обстановки моей жизни съ моими вѣрованіями... Продолжать такъ жить, какъ я жиль за послѣднія 16 лѣтъ, подпадая различнымъ соблазнамъ, я больше не могу. Теперь я рѣшилъ сдѣлать то, чего давно уже желалъ. Вступая въ 70-й годъ своей жизни, я хочу уединенія, хотя бы не полнаго; хочется согласія, а не кричащаго разногласія моей жизни съ вѣрованіями и требованиями моей совѣсти“. Послѣ передъ уходомъ изъ Ясной Поляны Л. Н. Толстой писалъ письмо въ такомъ же смыслѣ своему кievскому почитателю. Но онъ ушелъ изъ Ясной Поляны тогда, когда жизнь была уже прожита и не могъ бы такъ простосердечно, какъ Сковорода, сказать о себѣ, что міръ его ловилъ, но не поймалъ... Какимъ прекраснымъ свѣточемъ могъ представляться ему при такомъ настроеніи старчикъ Сковорода, который такъ просто и послѣдовательно разрѣшилъ эту проблему жизни.

Если теперь мы обратимся къ этикѣ Л. Н. Толстого и Г. С. Сковороды, то и здѣсь мы найдемъ въ самой основѣ ея общія сходныя черты. Чрезвычайно яркое выраженіе этическія требования Л. Н. Толстого нашли себѣ въ его теоріи „недѣланія“, вызванной письмами къ учащейся французской молодежи Э. Золя и Дюма. Критикуя идею Золя, что основу счастья составляетъ трудъ во имя науки, Л. Н. вспоминаетъ мало известнаго китайскаго философа Лаодзи, который училъ, что высшее благо какъ отдельныхъ личностей, такъ и народовъ приобрѣтается не трудомъ, а недѣланіемъ. „Всѣ бѣдствія людей, по ученію Лаодзи, происходятъ отъ того, что они дѣлаютъ то, чего не нужно дѣлать. И потому люди

избавились бы отъ всѣхъ бѣдствій личныхъ и общественныхъ, если бы они соблюдали недѣланіе. И я думаю, говоритъ Л. Н., что онъ совершенно правъ... Когда мнѣ разсуждать съ вами о философіи, нравственности и религії? Мнѣ надо издавать ежедневную газету съ $\frac{1}{2}$ мил. подписчиковъ, мнѣ надо строить Эйфелеву башню, устраивать выставку въ Чикаго, прорывать Панамскій перешеекъ, дописать 28-й томъ своихъ сочиненій, свою картину, оперу. Такъ говорить каждый изъ нась. А намъ нужно одуматься, измѣнить свое пониманіе жизни, отказаться отъ ея языческаго склада, возлюбить всѣхъ и искать внутри себя Царства Божія и правды его“.

Такое же „недѣланіе“ проповѣдовала и Г. С. Сковорода. Сущность его христіанской философіи состояла въ антitezѣ двухъ началъ—вѣчнаго и временнаго—матеріальнаго и духовнаго и въ доказательствѣ превосходства перваго надъ вторымъ. Эти два начала существуютъ и въ человѣкѣ. Счастье свое мы должны основывать на началахъ вѣчности, а не на томъ, на чёмъ его обыкновенно строятъ (богатствѣ, чинахъ, здоровьѣ и т. п.)—только тогда опредѣляется достижимымъ для всѣхъ и нетруднымъ. Счастіе внутри нась: познавъ себя, мы найдемъ свой душевный миръ, достигаемый мудростью и добродѣтелью; чтобы достичь его, нужно слить свою волю съ волей Божіей—подмѣтить свои склонности и способности, даныя Богомъ, найти царствіе Божіе внутри себя. Исходя изъ такого пониманія счастія, Сковорода восхвалялъ простоту жизни, близкую къ природѣ, бѣдность, полезный трудъ. О недѣланіи онъ выражается такъ: „если бы я въ пустынѣ отъ тѣлесныхъ болѣзней лечился или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣря, тогда бы я казался занять дѣломъ... Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка; продавать, покупать, жениться, посягать, воеваться, тягаться, портняжить, строиться, ловить звѣря? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина, что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себя, очистить и поврачевать самую гос-

пожу тѣла нашего душу. Похожи на щеголя, пекущагося о сапогѣ, не о ногѣ И не всѣмъ ли мы изобильны? Точно всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ: совсѣмъ телѣга, по пословицѣ, кромѣ колесь; одной только души нашей не имѣемъ. Есть правда у насъ и душа, но таковая, какъ у подагрика ноги". Такъ писалъ Г. С. въ письмѣ къ пѣкоему Андрею Дорофеевичу. И въ письмѣ къ полк. Тевяшову онъ выразился не менѣе опредѣленно: „высокихъ фамилій люди не только въ тяжбахъ, войнахъ, коммерціяхъ, домостроительствахъ, художествахъ, но и въ самомъ первомъ пунктиѣ, сирѣчъ, въ мысляхъ до Бога касающихся, должны находить истину".

Замѣчается сходство между Г. С. Сковородой и Л. Н. Толстымъ и въ томъ, наконецъ, основномъ пункте, что идеология того и другого не была приспособлена къ современной имъ дѣйствительности. Г. С. Сковороду очень цѣнили и уважали за его жизнь, за стремление къ правдѣ и истинѣ, но настоящихъ послѣдователей у него было не много; его практическій идеаль нравственности христіанского общества быть слишкомъ утопиченъ: современное общество было мало знакомо съ его сочиненіями—и онъ стоялъ сравнительно однокимъ, оторваннымъ отъ существенныхъ интересовъ окружающего общества. Но онъ былъ какъ бы олицетворенiemъ общественной совѣсти, живымъ укоромъ противъ увлеченія материальными благами. Тоже самое до нѣкоторой степени нужно сказать и о Л. Н. Толстомъ.

Говоря объ идеиномъ наслѣдії, оставляемомъ великимъ человѣкомъ своему народу и человѣчеству, необходимо различать два рода этихъ идей; одинъ изъ нихъ проникаютъ въ общественное сознаніе, входятъ въ наше право, въ наши нравы и привычки, иными словами, становятся культурно историческими факторами, общественнымъ убѣжденіемъ или правилами даже для тѣхъ, кто ихъ не раздѣляетъ; другія идеи, несмотря на свою высоту, а, можетъ быть именно вслѣдствіе своей высоты и неприспособленности къ живой дѣйствительности, къ слабости человѣческой натуры, вслѣдствіе своей утопичности, хотя и ставятъ на недостягаемую высоту самаго выражителя ихъ, захватываютъ небольшой

кругъ вѣрныхъ послѣдователей, но не находять себѣ со-
отвѣтственнаго выраженія въ людскомъ общежитіи и не дѣй-
ствуютъ на общественный порядокъ. мнѣ кажется, что
идеология Л. Н. Толстого носить на себѣ именно эти по-
слѣднія черты. Мы цѣнили его какъ мыслителя за его по-
стоянное, страстное исканіе истины, мы преклоняемся передъ
его стремленіемъ къ правдѣ и видимъ въ немъ какъ бы
осуществленіе нашей совѣсти; но скажемъ откровенно: много-
ли найдется такихъ, кто вполнѣ раздѣляетъ его міросозер-
цаніе, а главное рѣшилъ жить или живеть, согласно его
ученію? Ко Л. Н. Толстому, примѣнимо то, что онъ сказалъ
о Хельчицкомъ: онъ слишкомъ опередилъ свой вѣкъ. Но
этого мало: по основнымъ свойствамъ своего міровоззрѣнія
Л. Н. и не могъ быть практическимъ дѣятелемъ—проповѣд-
никомъ своихъ идей въ широкомъ смыслѣ этого слова, ибо
въ основѣ его міросозерцанія лежала не столько сила иде-
йной проповѣди, сколько собственное нравственное усовершен-
ствованіе и вліяніе личнаго примѣра жизни на окружаю-
щихъ.

Любопытно, что и у Г. С. Сковороды былъ такой же другъ
и ученикъ М. И. Ковалинскій, какъ у Л. Н. Толстого Черт-
ковъ. Ковалинскій написалъ біографію своего учителя и
составилъ надгробную эпитафию, которая начинается такъ:

Ревнитель истины, духовный богочтецъ,
И словомъ, и умомъ, и жизнью мудрецъ,
Любитель простоты и отъ суеты свободы.

Она даетъ вѣрное представление о духовномъ обликѣ
украинскаго философа и о близости его съ Л. Н. Толстымъ.
Конечно, всѣ сдѣланныя нами сближенія сами по себѣ еще
не устанавливаютъ окончательно факта знакомства Л. Н.
Толстого съ личностью и сочиненіями Г. С. Сковороды. Но
благодаря счастливому случаю, оказывается возможнымъ
доказать, что такое знакомство дѣйствительно имѣло мѣсто.
Оно удостовѣрено г. Измайловымъ, который пишетъ:

„Въ единственныи и вѣчно памятный вечеръ, когда
мнѣ выпало счастье видѣть Толстого и говорить съ нимъ,
въ бесѣдѣ о Христѣ и христіанствѣ я къ слову упомянулъ
имя извѣстнаго Григорія Сковороды. Ахъ, вы знаете Сково-

роду, нѣжно и радостно сказалъ онъ, какъ въ бесѣдѣ съ неизнакомымъ говорить человѣкъ о третьемъ, обоимъ знакомомъ и любимомъ. Знаю и очень люблю. Этимъ вы обязаны Духовной Академіи. Вообще же его забыли и такъ немногіе знаютъ. А какое удивительное лицо! И онъ продолжалъ съ тою же нѣжностью. Многое изъ его міровоззрѣнія мнѣ такъ удивительно близко. Я недавно только что еще разъ перечиталъ его. Мнѣ хочется о немъ написать. И я это сдѣлаю. Его біографія, м. б., еще лучше его писаній. Но какъ хороши и писанія! И онъ еще долго любовно говорилъ о нашемъ первомъ и до сихъ поръ чуть ли не единственномъ русскомъ філософѣ и о томъ, какъ полезно напоминать о такихъ необыкновенныхъ людяхъ, и вотъ обѣ этомъ, въ вѣкъ Елизаветы и Екатерины явившемъ въ варварской Россіи удивительный примѣръ подражанія Христу до полнаго безсребренничества, до бездомности, до безпріютности“.

Свидѣтельство г. Измайлова документально подтверждаетъ устанавливаемую мною историческую параллель.

Пусть же заключительнымъ аккордомъ не только моей, но и всѣхъ предыдущихъ бесѣдѣ будетъ чудное стихотвореніе *Тютчева „Silentium“*, которое такъ любилъ Л. Н. и которое онъ помѣстилъ въ Кругъ Чтенія.

Молчи, скрывайся и тай
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ, и зайдутъ онъ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!
Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!
Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушить наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи.

